

Трилогия «НЕГАСИМЫЙ СВЕТ»

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

ДЭННИС ФУН

Негасимый Свет

Дэннис Фун

Вольный странник

«Этерна»

2004

Фун Д.

Вольный странник / Д. Фун — «Этерна», 2004 — (Негасимый Свет)

Вторая книга трилогии «Негасимый Свет» – самого известного и захватывающего романа в жанре фэнтези в Северной Америке за последнее десятилетие. Роун продолжает поиски сестры, которая стала бездушным идиолом Мегалополиса. Они оба наделены необыкновенными способностями и могут повлиять на грядущее глобальное столкновение сил Добра и Зла в эпоху после Мерзости...

© Фун Д., 2004

© Этерна, 2004

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ХРАНИТЕЛЬ ГОРОДА	7
НОВЫЙ СВЕТ	11
НАША СТОУВ	16
ЗАДАНИЕ	20
БЕЗГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	25
ТОПЬ	29
ПОДГОТОВКА К НЕВЕДОМОМУ	33
СООБЩЕСТВО УСИКОВ	36
ИДЕАЛЬНЫЕ ТЕЛО И РАЗУМ	44
МАБАТАН	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дэннис Фун

Вольный странник

Книга посвящается д-ру Х. Миракалу, также известному под именем Рон Фун

ПРЕДИСЛОВИЕ

*В СКРЫТОЙ ОТ МИРА ДОЛИНЕ
НАРОД НЕГАСИМОГО СВЕТА
СУМЕЛ ПЕРЕЖИТЬ КАТАСТРОФУ.
СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ НАРОД
ЖИЛ БЕЗ ГОРЯ И ЗАБОТ,
ПРЕДОСТАВЛЕН САМ СЕБЕ.
В ИЗОЛЯЦИИ ОТ ВСЕХ
ЛЮДИ ВЕРИЛИ В УСПЕХ,
ВЕДЬ НАДЕЯТЬСЯ – НЕ ГРЕХ.
НО ПРИШЛА И К НИМ БЕДА —
ЧАСА МНОГО ИНОГДА,
ЧТОБ ИСЧЕЗНУТЬ НАВСЕГДА.
КНИГА НАРОДА НЕГАСИМОГО СВЕТА*

«Вольный странник» – вторая книга трилогии «Негасимый Свет». В первой книге – «Ловцы видений», повествуется о Роуне, одном из двух человек, оставшихся в живых после того, как селение Негасимый Свет, где они жили, было варварски стерто с лица земли. Роун пытался спасти от захватчика младшую сестру Стоув, но был ранен и потерял сознание, а когда пришел в себя, сожженное селение уже лежало в руинах, а все его обитатели были зверски убиты.

Когда Роун вернулся к развалинам своего дома, его обнаружил Святой – предводитель банды воинов-братьев, поклонявшихся божеству, которого они называли Другом. Под руководством братьев Роун начал обучаться военным искусствам, мечтая отомстить тем, кто предал его народ огню и мечу. Вскоре Роун начал подозревать Святого. Кроме того, он испытывал сильное недоверие к одному из его подручных – постоянно плетущему интриги брату Ворону. Накануне последней стадии посвящения в члены секты Роун узнал страшную тайну, которую скрывали от него братья. Впервые в жизни совершив насилие над другим человеческим существом, он сбежал в необитаемые земли, известные под названием Пустошь.

Пока Роун скитался по этим пустынным землям, скрываясь от бандитов и убийц, сражаясь с дикими псами, его часто преследовали видения пропавшей сестры. Там ему встретился Лампи – молодой человек, обезображенный ранами и шрамами, которые оставили у него на теле страшные насекомые – лесные клещи. Дальше они решили идти вместе и искать больницу, где, по слухам, могли помочь Лампи облегчить боль, которую он постоянно испытывал.

Во время путешествия Роун время от времени оказывался как бы в иных измерениях реальности: таинственные существа (ловцы видений) давали ему советы и помогали с тех пор, как он оказался у братьев. Но эти существа не смогли предупредить Роуна, что у легендарной больницы его поджидали преследователи. Друзьям с трудом удалось спастись от братьев, но они попали в ловушку – лабиринт подземных туннелей, раскинувшихся под зданием больницы. Там они оказались на волосок от смерти, и их освободили преданные забвению – люди,

казавшиеся бессмертными, которые жили, схоронившись под землей в общине под названием Оазис.

В Оазисе Роун с Лампи постепенно пришли в себя и отдохнули после тягот пути, подружались с новыми знакомыми – сказителем Камьяром, библиотекарем Орином и девушкой Лелбит. Но когда Роуна, стремившегося отыскать Стоув, стали терзать новые видения, он решил покинуть Оазис и продолжить поиски сестры.

По пути через опасные мертвые земли он укололся ядовитым шипом ползучей лозы. Начался сильный жар, а потом Роун впал в почти бессознательное состояние. Лампи помог другу добраться до селения Праведное, явившееся ему в одном из видений. Там его вылечила целительница по имени Аландра. Роун согласился помочь Аландре спасти четырнадцать детей селения от почти неминуемой страшной гибели.

Когда Брак – правитель Праведного, узнал, кем на самом деле был Роун, друзьям вместе с детьми пришлось бежать из селения. Роун, Лампи, Лелбит и Аландра вместе с ребятишками, за которыми по пятам гнались Святой с братьями, оказались на краю пропасти, перейдя которую, как им было предначертано, они должны были оказаться в безопасности. Именно там состоялась решающая схватка Роуна со Святым.

В «Вольном страннике» поиски сестры приводят Роуна в Город, где Стоув борется против его Владык. Им становится понятно, что похищение Стоув и предательство Роуна братьями составляло важнейшую часть битвы за мир, в котором они жили, а может быть, и за саму жизнь.

ХРАНИТЕЛЬ ГОРОДА

*ОДИН ВОССТАЛ ИЗ ПЕПЛА – ТО БЫЛ ХРАНИТЕЛЬ СВЕТА.
ДРУГИЕ ДЕВЯТЬ ВСТАЛИ В КРУГ С ХВАЛОЙ ЕМУ ЗА ЭТО.
ДВАДЦАТЬ ОДИН СТРАЖ ОЧАГА ИМ СТАЛ ПОМОГАТЬ,
ДРУГИЕ ДЕСЯТЬ БРОСИЛИСЬ ПРЕДАТЕЛЕЙ ИСКАТЬ.
ВОТ ТАК СОРОК ОДИН ВЛАДЫКА СТАЛ
ВСЕМ В ГОРОДЕ ПОВЕЛЕВАТЬ.*

ХРОНИКИ ВОЙНЫ

Снадобье... От него горит глотка, оно жжет все нутро, с ним видишь то, что скрыто от глаз, оно уносит в такие дальние дали, куда никакие ноги не доведут. Снадобье очищает, возвышает, поднимает, соединяет мир воедино. В этом золотом сосуде заключено дыхание жизни. Снадобье... Заветное снадобье, которое так греет душу Хозяевам Города. Каких же усилий им стоит копить его запасы! А чтобы защитить его от этих жуликоватых трусов – ловцов видений, они готовы идти на любые жертвы... или почти на любые, но именно это и не удается.

Дарий всегда глотал снадобье. От него и пальцы навсегда стали лиловыми, и его узкие, поджатые губы кажутся чуть ли не фиолетовыми. Он сидел совершенно неподвижно. Его водянистые мутные глаза-щелочки напоминали глаза рептилии. Он казался хилым и немощным, почти прозрачная кожа так туго обтягивала его безбородое и безусое лицо, что оно напоминало живой череп. Новые легкие хрипели и присвистывали, в очередной раз пересаженное сердце качало по сосудам кровь, которую заменяли два раза в день. Он был Старейшим.

Веки его дрогнули, и глаза широко раскрылись. Он насторожился, к чему-то прислушиваясь. Пальцы впились в подлокотники кресла, и он встал на ноги. Теперь он уже не казался слабым – в нем явственно ощущались сила, власть и коварство. Он был Хранителем Города, Архиепископом Мегаполиса, Великим Провидцем и обладал невероятным, ужасающим могуществом.

– Время настало, – сказал Дарий, чуть шевельнул рукой, и зал озарился ярким светом.

Двери распахнулись, и два клирика с опущенными в поклоне головами втащили в помещение оборванного рыжеволосого узника, подслеповато моргавшего от яркого света. Весь он был исполосован хлыстом во время допросов. В этом не было ничего необычного, но что-то отличало его от других заключенных. Он не был связан. Кем же он был?

Дарий кивнул клирикам, которые низко ему поклонились, глаза их светились собачьей преданностью повелителю. Они всем были обязаны Старейшему – привилегиями, положением в обществе, здоровьем и самое главное – небольшой выпуклостью над ухом.

Измученный арестант сидел на мраморном полу один на один с Хранителем. Опасности он не представлял. В чем состояло его преступление?

Когда глаза изможденного мужчины привыкли к свету, он стал рассматривать портреты, развешенные на закрытых панелями красного дерева стенах, – полотна, изображавшие Дария, Великую Пирамиду и девочку – Символ Города. Взгляд его скользнул по письменному столу, блестящему стеклом и хромом, рукам, казавшимся фарфоровыми, старческому телу, и лишь после этого он взглянул в лицо Хозяину Города. Лицо его озарила улыбка, он горделиво присосанился.

– О Хранитель! Когда я вижу тебя в добром здравии, душа моя наполняется радостью.

– Забавно, что ты все еще надеешься подольститься к своему Архиепископу, – негромко произнес Дарий.

– Он заслуживает казни, – раздался мрачный голос.

В дверях показался высокий мужчина с орлиным носом, и заключенный с трудом поднялся с пола.

– Ах, Владыка Кордан, ты все ищешь угрозы там, где их нет, тратишь на это бесценные средства. Хранитель мудрее тебя. Он знает, насколько я могу быть полезен. Ведь я же прав, Владыка Дарий?

Кордан нахмурил брови, а по лицу Дария пробежало некое подобие улыбки.

– Отчасти. При возможности...

Лицо узника озарилось надеждой.

– Да, тебе нравится, когда у тебя возникают возможности, ведь так? – заметил Хранитель.

Кордан переступил порог и направился было вглубь зала, но его остановил ледяной взгляд Дария. Бедный, жалкий Кордан – не надо ему было высказывать свое мнение, особенно если оно противоречило мнению Старейшего.

Дарий повернулся к узнику.

– Я сохранил тебе жизнь потому, что некогда ты сослужил мне хорошую службу. Ты обнаружил то селение, которое я разыскивал, и помог найти тех двоих, которые были мне нужны. Полным успехом то дело не увенчалось, но тем не менее ты достоин похвалы.

– Хранитель, я живу лишь для служения тебе.

– Ты живешь для того, чтобы врать, плутовать и воровать, но это тоже может пригодиться.

Пленник ухмыльнулся, и по блеску в его глазах было понятно, что он готов предоставить свои многочисленные таланты в распоряжение Владыки.

– Святой стал мучеником своей идеи, – сказал Дарий, – истинным святым. Ты ведь вполне можешь оценить мою иронию. Твои бывшие сподвижники – братья, теперь сеют смуту. Поставки доноров прекратились. Продукция больше не производится.

Узник настороженно посмотрел на Дария.

– Что требуется от меня?

– У тебя ведь есть связи с Кланом Ли и фандорами?

– Конечно.

– Под их властью находится половина Дальних Земель, – продолжил свою мысль Дарий. – Используй их, чтобы остановить братьев.

– Ты оказываешь мне честь, Хранитель. Что я смогу предложить им в обмен на услуги?

– В твоём распоряжении все наши ресурсы.

Мужчина довольно хмыкнул, поклонился и направился к двери.

– Считай, что дело уже сделано.

– Тебе может понадобиться это, – сказал Дарий, прикоснувшись к стене.

Большая панель, скрытая в полированном дереве, отъехала в сторону. Из потайной ниши в стене выдвинулась стеклянная полка. На ней лежала аккуратно сложенная накидка из блестящих перьев, за которой виднелась коробка. Это было одно из тех дурацких одеяний, которые выдавались для утешения тем, кому было отказано в снадобье. Несчастный, он никогда не сможет попасть в Край Видений и обречен скитаться по земле, прикрывшись дурацкими перьями.

– Мне можно это взять? – прошептал мужчина.

– Конечно, Ворон.

С каким же вождением он коснулся накидки костлявыми пальцами!.. Дурак набитый! Неужели до него не доходит, что дурацкое одеяние делает из него посмешище, чучело горюхое?

– Благодарю тебя, наш Прозорливый, – с придыханием произнес Ворон.

Он аккуратно надел на плечи накидку и открыл коробку, в которой лежал шлем с длинным желтым птичьим клювом.

Увидев это, Стоув вскрикнула, но ее, конечно, никто не мог услышать. Она была готова выцарапать им глаза, но руки ее в тот момент были не из плоти, и ей оставалось лишь парить под потолком зала.

Ни у какого другого человека-птицы не могло быть такой маски! Это он, Ворон, без всяких сомнений, был предвестником конца Негасимого Света. Значит, Дарий велел братьям сжечь ее селение дотла и сравнять его с землей. Это Дарий потребовал от братьев убить там всех до последнего жителя, кроме двух человек. Ему были нужны она сама и Роун. Ворон должен был сделать так, чтобы братья немедленно передали ее в жадные руки Провидца, а доставить ему Роуна им не удалось. Именно поэтому Ворон и был наказан.

Это он был первым чужаком, который оказался в Негасимом Свете за все годы его существования, обрядившись в эту «восхитительную» накидку из разноцветных перьев. До того как он там появился, ей доводилось видеть лишь черные перья ворон да белые куриные перья. А его накидка была как ослепительная радуга! Она тогда еще спросила Роуна, как называются птицы с такими замечательными перьями, а потом – чтобы он еще и записал ей их названия. Павлин, орел, лебедь, кардинал – так они назывались. Она все была готова отдать за эти перья, даже обе свои самые любимые чашки, даже пальчик на руке или на ноге. В тот день, когда Роун ей рассказывал об этих давно вымерших птицах, он выглядел очень мрачно. Разговаривать с ней не хотел, все время глядел в сторону папы и членов совета. Начала она что-то понимать только тогда, когда ее разбудила мама и она увидела, что все селение объято пламенем. Какая же она тогда была еще глупенькая, когда ей эти перья покоя не давали!

Впервые оказавшись в Городе, она была слишком зла и боялась с кем-нибудь даже словечком обмолвиться, потому что вообще никому не доверяла. Но Дарий приставил к ней Виллума, и он дал ей понять, что по крайней мере ей здесь нечего бояться. Потом Дарий долго ее успокаивал, уговаривал, носился с ней как с писаной торбой, а через какое-то время раскрыл ей тайну снадобья – и снадобье сделало ее совсем другой, она стала лучше, сильнее, мудрее. Прошлое постепенно забывалось, а все слова Дария становились ее собственными.

Когда он рассказал ей, что все братья были психами и отморозками, исповедовали культ самоубийц, не поддавались никакому контролю и были очень опасны, а ее просто по счастливому стечению обстоятельств смогли спасти Владыки Города, она ему поверила. Не все еще потеряно, нередко говорил он ей. Ведь, как-никак, о ней заботится сам Хранитель, Великий Провидец Города. Но он ей лгал: именно Дарий спланировал и организовал нападение на Негасимый Свет, его разрушение, убийство родителей и ее собственное похищение. Почему же она поверила его вранью?

И сколько еще раз он ей врал с такой же беззастенчивостью?

Ей надо больше слушать. Слушать и смотреть, держать глаза и уши широко раскрытыми. Слушать и учиться.

– Сомневаюсь, что шесть месяцев в заточении вдохновили его на верную службу, – фыркнул Кордан.

– Хочешь, я поручу эту задачу тебе?

Кордан уставился в пол, явно желая скрыть отражавшееся в глазах смятение. Какой же он слабый человек... Как легко его вычислить...

– Думаю, нет. – Дарий взглянул на дверь. – Виллум, зайди.

Опекун и защитник Стоув вошел в зал.

– Я здесь, Хранитель.

Виллум всегда рядом, он всегда готов дать дельный совет. Он не лжив, никогда с порога не отвергает никакие возможности, излагает лишь голые факты. Дарий считает с его мнением, что свидетельствует о его уме и такте. Виллум никогда не причинял ей зла и не обманывал – это чистая правда. И вообще он никому не вредил, никому из тех, кого она знала. Только

знала она пока еще далеко не всех, с кем он был связан. Но скоро это изменится, потому что отныне и навсегда глаза ее будут широко раскрыты.

– Где наша Стоув?

– Она отдыхает, Хранитель.

Стоув вихрем взмыла вверх, потом спустилась пониже и зависла прямо над их головами. Какие же они идиоты – она и не думала спать! По крайней мере то ее воплощение, которое сейчас здесь. У нее есть тайна – она может покидать свое физическое тело. А астральное ее тело может появляться, где она только пожелает, вихрем кружиться вокруг мраморных колонн, носиться мимо зазевавшихся граждан или высоко парить над витыми башнями, стеклянными куполами, крытыми пешеходными переходами, поднимаясь так высоко, что люди на земле начинали казаться малюсенькими точечками, а небоскребы – спичечными коробками. А если в голову взбредет, может запросто оказаться здесь и узнать обо всем, что скрывают от нее Владыки. Больше она не даст им обводить себя вокруг пальца!

– Время настало, Виллум.

– Старейший, она еще слишком молода.

Кордан ухмыльнулся.

– Ты опасался, что ей пойдет во вред снадобье, и оказался не прав.

– Со всем должным уважением, Владыка Кордан, должен сказать, что опасения мои оказались обоснованными. Снадобье изменило Стоув. Ее разум развился не по годам, в результате чего она постигла такую бездну знаний, что пошатнулась стабильность некоторых наших самых продвинутых Владык. Способности Стоув еще только начинают раскрываться. Как мы и полагали, ее таланты намного превзойдут наши собственные возможности, но, если мы станем давить на нее, это чревато серьезным риском. Об этом легко забыть в присутствии такого рассудительного и уравновешенного человека, но позвольте мне вам напомнить, что у нашей Стоув легкоранимая душа десятилетней девочки.

– Наш дорогой Виллум, это все так, но, к сожалению, никак не поможет нам в решении неотложных проблем. Среди правителей нарастает беспокойство, их требования растут с каждым днем. Если порядок не будет восстановлен, все наши труды пойдут прахом. Мы не можем больше ждать, – обеспокоенно сказал Дарий.

– Я знаю, Хранитель, что потребности наши велики. Но мой долг предупредить тебя.

– Ее вклад может перевесить ущерб, который будет ей нанесен. Разве можно в таких вопросах принимать в расчет детские прихоти и капризы? Оглянись вокруг – настало время действий, – бросил Кордан.

Дарий прервал его чуть заметным движением пальца.

– Виллум, тебе надлежит сосредоточить внимание на ее образовании в тех областях, знание которых ей потребуется при решении наших проблем. Указания о том, что именно ей будет нужно и какие к ней следует предъявлять требования, тебе будет передавать Кордан.

По его тону было ясно, что дискуссия окончена. Оба мужчины поклонились и вышли из зала, и Стоув бросила взгляд на Архиепископа, который только что превратился в ее смертельного врага. Потом она быстренько вернулась в постель и без всякого удовольствия слилась там со своим физическим телом. Им кажется, они знают, кто она такая... Ущерб, который может быть ей нанесен, видите ли, их не волнует, прихоти и капризы ее их не устраивают! Да они понятия не имеют, какие силы в ней таятся! Но в один прекрасный день им придется об этом узнать. И когда тот день настанет, она сделает так, что шкура их на костях расплавится.

НОВЫЙ СВЕТ

*РОУН ПРИПЛЫЛ ТУДА С ДЕТЬМИ.
ОТОБРАЛ ОН МАЛЫШЕЙ
У ФУРГОНА-БАРМАГЛОТА –
В ТОМ БЫЛА ЕГО РАБОТА.
А СВЯТОЙ С ЕГО ЛЮДЬМИ –
ВСЕХ ИХ БЫЛО ТАМ ДВЕНАДЦАТЬ –
ПОГНАЛИСЬ, ЧТОБ С НИМ СРАЖАТЬСЯ.
БРАТЬЯ СГИНУЛИ В ПУЧИНЕ,
РАСТВОРЯСЬ В ОЗЕРНОЙ ТИНЕ.
ОЗЕРО ТЕХ НЕ ПРОЩАЕТ,
КТО ЕГО ПЕРЕПЛЫВАЕТ.
ПРЕДАНИЯ СКАЗИТЕЛЕЙ*

Мне нравится полоть! – крикнула Лона, держа в каждой ручонке по кривому, узловатому корню.

– А я пропалываю быстрее! – отозвался Баб, бросив очередной выдернутый сорняк в корзину.

– Нет, неправда! Я тебя победила!

Роун усмехнулся и стал сажать рассаду. На новой родине, которую они называли Новый Свет, дети чувствовали себя прекрасно, и урожаи на плодородной земле были отличными. После возвращения Лампи они три недели ходили по горам, чтобы найти сюда путь. Задача была не из простых, ведь с ними путешествовали четырнадцать неугомонных детей. Под руководством снежного сверчка их поиски завершились в этой затерянной в горах долине – самом прекрасном месте, которое доводилось видеть Роуну. По всей видимости, она никак не была затронута страшными разрушениями эпохи Мерзости, во время которой – чуть меньше ста лет назад – большая часть планеты оказалась отравленной. Луга покрывал жирный чернозем, в лесах росли прекрасные, здоровые деревья и было полно хвороста для растопки, а чистое озеро, в которое впадал ручей, давало питьевую воду и рыбу. Окружавшие долину холмы и высившиеся за ними горы защищали селение от ярости стихий, и четыре времени года, проведенные ими здесь, прошли просто замечательно. Роун впервые с тех пор, как Негасимый Свет был стерт с лица земли, обрел настоящий дом, и он очень напоминал ему родину. Временами он принимал раздававшийся детский смех за смех друзей детства, порой ему казалось, что под стоявшим неподалеку деревом отец его читает книгу, а мама украшает резьбой дверь для их главного зала. Им бы эта земля понравилась... И когда-нибудь здесь замечательно будет себя чувствовать Стоув.

Роун старался избегать странствий в Краю Видений по соображениям безопасности, потому что был уверен, что Стоув сможет там его обнаружить. Его постоянно мучил страх потерять ее навсегда. Но воплощенную мечту, ставшую Новым Светом, нередко навещали призраки и привидения – Святой с его предсмертной мольбой; Лелбит, чья кончина принесла столько горя всем и особенно Лампи, в душе которого умерла зарождавшаяся к ней любовь. А еще Роуна часто звала Стоув – он почти беспрестанно слышал ее зов.

Аккуратно отбирая слабые ростки, Роун с горечью думал о том, что, может быть, ему никогда не доведется спокойно и достойно здесь пожить – слишком много страданий еще было вокруг, слишком много еще ждало его впереди сражений. Роун окучивал землю вокруг выжившего растения и вспоминал о своих потерях, о том, с какой легкостью у него отняли все, что он больше всего любил.

– Можно я пойду к Мерриту, помогу ему рубить деревья?

Роун с признательностью взглянул на Баба – мальчик отвлек его от печальных мыслей.

– После того, как мы здесь все закончим, – ответил он, в который уже раз удивляясь, насколько паренек повзрослел за прошедший год. И вырос на полголовы.

– Что он тебе сказал? – спросила Лона.

– Сначала мы все здесь должны закончить! – крикнул ей в ответ мальчик, выдергивая ненужные корешки.

Из ближайшей рощи до Роуна доносился звук топора Меррита. Он был хорошим плотником и приятным человеком, но все же Роуну хотелось, чтобы они могли обойтись здесь без этих людей, которых прислали им из Оазиса. Аландра старалась ему доказать, что даже при теплой погоде им нужны более надежные жилища, чем простые навесы или шаткие хибарки с односкатной крышей. Надо было строить дома. А для этого были нужны и опытные мастера, и инструменты, и еще люди, умеющие возделывать землю, которые могли бы их обеспечить едой и другими припасами на зиму.

– Это вы с Лампи можете выжить, питаясь личинками и термитами, а детей жуками не кормят, – говорила она ему.

И тем не менее Роун очень хотел, чтобы никто не знал о том, где находится Новый Свет, даже преданные забвению. И разве не первый человек, который пришел в Негасимый Свет, обрек его родное селение на разрушение? Но Аландра настаивала на своем. Он, конечно, ни на миг не ставил под сомнение ее преданность детям, заботу об их здоровье и благополучии, но в их частых спорах слишком уж быстро она начисто отметала все его доводы. Ее упорство и настойчивость наводили Роуна на мысли о том, кому же она хранила преданность в первую очередь.

В конце концов из Оазиса к ним пришли плотник и еще четыре человека, каждый из которых был мастером своего дела и предан Новому Свету. Когда они жили в пещерах Оазиса, процессы старения замедлялись, а здесь постепенно проявлялся истинный преклонный возраст этих людей – лица их избороздили глубокие морщины. Лорен руководил всеми строительными работами, Билдт занималась обработкой земли, Селдон готовил пищу, а Терра – опытная ткачиха, до тонкостей знающая секреты этого ремесла, часть времени проводила с Аландрой, овладевая тайнами врачевания. Роун ко всем относился с уважением и симпатией. Он не мог не признать, что строительство жилищ стало продвигаться значительно быстрее, они успешно разбили сады, да и дети с ними были счастливы на новом месте. Чего еще можно было желать?

И тем не менее эти люди из Оазиса были не просто мастерами своего дела. Роун постоянно подмечал в их взглядах настороженность, видел, насколько все они были дисциплинированы. Скорее всего, их сюда прислали не только помогать, но и защищать его и детей. Он понимал, что предосторожность эта была отнюдь не лишней, поскольку над ними постоянно висела угроза со стороны братьев. Но пришельцы из Оазиса никогда об этом даже не заикались, что лишь усиливало подозрения Роуна.

– Я выиграла! Я победила! – воскликнула Лона.

– Но я же в два раза больше тебя сорняков собрал! – запротестовал Баб. – К тому же ты многие корешки просто обрывала и оставляла в земле, а из них потом вырастут новые сорняки!

– Роун! – захныкала Лона. – Неужели у меня все корешки обломаны?

С серьезным выражением лица Роун подошел к их корзинам и внимательно осмотрел каждую. Потом вынул оттуда немного сорняков, понюхал, помял в руках и даже попробовал на зуб, чем рассмешил Лону. После этого вынес окончательный приговор:

– Вы оба, несомненно, замечательные специалисты по прополке, и поэтому я назначаю вас обоих на новую должность.

С этими словами Роун торжественно возложил руки им на головы и объявил:

– Жалую вас титулом капитанов прополки! Поздравляю с высоким званием.

Лона издала ликующий вопль и поддела локотком Баба под ребро.

– Ну что, капитан, пойдём полоть дальше!

– Я все равно лучше тебя сорняки вытаскиваю...

Роун смотрел, как они вернулись к грядкам и снова принялись за работу. Но внезапно Лона остановилась, головка ее склонилась набок, глаза закатились, и девочка без сознания упала на землю.

Баб начал что-то говорить, но осекся и, не закончив фразы, тоже свалился рядом с ней.

– Эй, – улыбнулся Роун, подумав, что они решили поиграть, – что вы там за спектакль разыгрываете?

Но, подойдя ближе, увидел, что оба ребенка были без сознания.

Он в ужасе склонился над Лоной, приложил ухо к груди девочки и, затаив дыхание, услышал слабое-слабое сердцебиение. Жива! Баб тоже лежал неподвижно. Вдруг Роун услышал крик Аландры. С ней в главном их помещении находились шестеро детей, которых она учила разбираться в травах, и все они разом потеряли сознание – Сэйк, Дани, Бек, Анаис, Тамм и Кориана. Вместе с Ранком и Тео она уже пыталась привести их в чувство.

Со стороны раздались другие тревожные возгласы – в отдалении кричали их друзья. Что-то неладное творилось с Джипом и с Джимо. Лампи брызгал водой на Джо и Джема, но дети не приходили в сознание.

Терра вбежала в сад. Лицо ее было пепельно-серым.

– Со всеми детьми что-то произошло, – сказал Роун, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие. – Но все они пока живы. Помогите перенести их к Аландре.

Роун осторожно положил Лону на руки Терры, а сам поднял Баба. Он нес его к озеру, осторожно ступая по знакомой тропе, защищая мальчика от нависавших веток. От воды, из леса и со стороны поля шли Лампи, Билдт и Меррит. Каждый из них так же бережно нес на руках ребенка. Мрачные опасения Роуна усилились, но то, что он увидел, когда принес мальчика в их жилище, было страшнее всех его печальных предчувствий, и он чуть не поддался панике. Лорен и Селдон поспешно стелили постели новым жертвам. Лампи стоял рядом с Джо, глаза его были полны слез, он беззвучно молил парнишку прийти в себя. Терра, осторожно положив на кровать малышку Лону, подошла к Аландре, которая давала ей указания, что делать с детьми.

– Всех положи на спину! Головы им немного подними! Убедись, что им легко дышать! Терра, принеси мне лекарственные соли!

Убрав прядь волос со лба Баба, Роун окинул взглядом комнату – все четырнадцать кроваток, на которых неподвижно лежали дети, и сделал над собой усилие, чтобы унять нарастающую панику. Эти дети сейчас балансировали на грани жизни и смерти, и ответственность за их жизнь была возложена на него.

– Я пока не понимаю, что с ними случилось, – сказала Аландра. – Дай мне день, чтобы поставить диагноз.

Она взяла запястье Баба, щупая ему пульс, пытаясь определить его состояние. По тревожному выражению ее лица Роун понял, что положение крайне серьезное.

– Они что, так будут лежать целый день? – спросил он.

– Сон очень глубокий, но они живы, – ответила Аландра и добавила: – А теперь все уходите, нам с Террой надо работать.

Лампи сжал руку Джо, потом отпустил ее и встал. Роун молча вышел с другом из комнаты. Меррит с Билдт бросились к Роуну.

– Ну что там?

– Пока ничего, ей нужно время...

– Раньше я такого никогда не видел.

Билдт вздохнула.

– Ты, Меррит, и детей таких раньше никогда не видел.

- Мне все это совсем не нравится, – сказал дюжий плотник.
- Доверимся Аландре, – ответила Билдт с дрожью в голосе.
- Да, Билдт права, – заметил Роун. – Выбора у нас все равно нет. Остается только ждать...

Аландра сделает все, что в ее силах.

Пришельцы из Оазиса, понутив головы, расходились. Роуну очень хотелось им доверять. Было ясно, что они чувствуют себя подавленно, но Роун был уверен в том, что они знают больше, чем говорят.

- Не хочешь прогуляться? – спросил он, обернувшись к Лампи.

Друг понуро брел с ним к берегу озера, время от времени смахивая слезинки.

– Прости. Не думал, что это так тяжело... Они ведь еще дышат, Аландра о них заботится. Она поставит детей на ноги... – Глаза его покраснели, как и шрамы на лице.

Он все время проводил с Джо и Джемом, они стали неразлучными друзьями, и эта дружба облегчала ему душевную боль после кончины Лелбит. Лампи долгие годы бродил по Дальним Землям, ему многое довелось пережить, а потом встретил Лелбит, тело которой, как и у него, было обезображено шрамами от лесных клещей. Как и Лампи, она единственная осталась в живых из всей семьи, погибшей от этих смертельных насекомых. Он восхищался ее храбростью, они относились друг к другу с искренней нежностью. Роун даже представить себе не мог, как остро воспринимал Лампи ее утрату, – друг никогда не делился с ним своим горем. Есть ли предел, думал он, тому, что мы в состоянии перенести?

– Знаешь, – сказал Роун, страстно желая поверить своим словам, – Аландра обязательно найдет какой-нибудь выход.

- Сдается мне, что ты сам не очень в это веришь.

У Роуна были на этот счет свои соображения, хоть он затруднялся выразить их словами. Он не был вполне уверен, что ими вообще с кем-то надо делиться – даже с Лампи. Но и душой кривить ему не хотелось. Потому он и решил, что лучше всего в этой ситуации промолчать.

- Если ты что-то знаешь...

- Она просила дать ей один день. Давай так мы и сделаем.

Но его постоянно тревожили и беспокоили слова, которые много месяцев назад он услышал в Оазисе от сказителя Камьяра. *Задавай больше вопросов. Ничего не принимай на веру. Опасайся ловцов видений.*

Они сидели в молчании, глядя, как на поверхности воды мерцают солнечные блики. Вскоре спустились сумерки. Друзья хранили надежду на лучшее. Из кармана Роуна выполз сверчок и затянул свою песню.

– Ну ладно, ладно, – сказал Лампи другому сверчку, с маленькими черными пятнышками на крылышках, зашелестевшему у него на груди, и вынул его из кармана. – Иди, поиграй со своим приятелем.

Когда они пришли в эти земли, их поразило многообразие обитавших здесь редких насекомых. Вскоре к Лампи привязался белый сверчок. Он был этому рад, потому что хорошо помнил чувство к тому утраченному снежному сверчку, который когда-то спас ему жизнь.

Вскоре пение сверчков стало доноситься до них со всех сторон.

- Как думаешь, это им поможет? – спросил Лампи.

- Во всяком случае, не помешает.

Когда взошла луна, они распрощались. Роун прошел по селению, глядя на постройки, дорожки, посаженные ими сады. Они успели сделать очень много – гораздо больше, чем он рассчитывал. Но если дети не выживут, все их труды пойдут прахом, все окажется никому не нужным.

По выложенной белым камнем дорожке Роун поднялся на вершину холма, с которого открывался вид на лес и озеро. Теперь, в одиночестве, его переполняли мрачные предчувствия. Он снова и снова вспоминал сестру, возвращаясь к той ночи три года назад, когда ее ручонка

выскользнула из его ладони, а он упал лицом в снег и с тех пор больше ее и не видел. Ему доверили сестру родители, а он их подвел – и ее подвел. Эти дети тоже полностью ему доверяли, их жизнь зависела от него. А теперь получалось, что и их надежды он обманул.

Может быть, этот райский уголок был заражен каким-то вирусом или микробом, против которого у детей не было иммунитета, и их одолела неизвестная напасть. Но все его предположения были беспочвенны, соображения ни на чем не основывались. В глубине души он знал, где кроется ответ. И Аландра тоже догадывалась, потому и попросила день на раздумья.

Внезапно и холм, и вода, и лес – все исчезло. Перед ним во влажном воздухе возникли ветви, покрытые оранжевой, местами отслаивающейся корой. У одного из них стоял мальчик, который был на несколько лет моложе самого Роуна, с открытым загорелым лицом.

«ОТКУДА ТЫ ЭТО ЗНАЕШЬ?» – СПРОСИЛ МАЛЬЧИК.

«ЧТО ЗНАЮ?»

«КАК ТЕБЕ УДАЛОСЬ МЕНЯ ПОЗВАТЬ?»

«Я НЕ ЗВАЛ ТЕБЯ».

«И ТЕБЕ НЕ НУЖНА МОЯ ПОМОЩЬ?»

«ПОМОЩЬ МНЕ ОЧЕНЬ НУЖНА».

«МОЖЕТ БЫТЬ, Я ЗНАЮ ОТВЕТ НА ТВОЙ ВОПРОС».

Мальчик исчез, и видение прекратилось так же неожиданно, как возникло. Роун снова в одиночестве стоял на вершине холма, с неба ярко светила луна, внизу раскинулось озеро, и юноша ощутил уверенность, что мальчик тот был от мира сего, что он непонятным для Роуна образом явился ему, преодолев пространство и, может быть, даже время. То, что с ним сейчас произошло, сильно отличалось от тех картин, которые являлись ему у ловцов видений, когда он попадал в Край Видений. Это было что-то другое. Мальчик показался ему простодушным и естественным. А в голосе его звучала надежда.

НАША СТОУВ

*НАША СТОУВ, ДИТЯ ИЗ СВЕТА,
ОДАРИ НАС ВЗГЛЯДОМ,
МИЛОСЕРДНЫЙ ВЗГЛЯД ТВОЙ – ЭТО
МИЛОСТЬ И НАГРАДА.
МЫ ТОБОЙ БЛАГОСЛОВЕННЫ
И БЕЗМЕРНО РАДЫ
ПОД ЗАЩИТОЮ ТВОЕЮ
ОБРЕСТИ ОТРАДУ.
ЛИТУРГИЯ МЕГАПОЛИСА*

Здесь душно, – хмуро бросила Стоув.

Водитель вздрогнул. В тот же миг зашуршал вентилятор. Никому не нравилось, когда Стоув начинала хмуриться.

– Дело не в том, дует воздух или нет. У меня ноги затекли. Я хочу размяться, мне надо выйти из машины и пройтись. – Она сердито взглянула на вмонтированную в машине видеокамеру, отслеживавшую каждое ее движение. – И это платье тяжелое, которое я должна носить, мне жарко в нем, неудобно, оно жмет и натирает – вот почему мне и душно! Выпустите меня из машины. Хочу пройтись до фабрики пешком.

– Мне очень жаль, Стоув, но ты ведь знаешь, что твое длительное пребывание на всеобщем обозрении запрещено службой безопасности.

– Но, Виллум, меня ведь все в Городе любят.

– Тебя все очень любят, но поблизости могут оказаться чужаки...

– Бунтовщики? Неужели у нас все так из рук вон плохо, что бунтовщики уже сотнями слоняются по Городу, только и думая о том, как бы совершить на меня покушение?

Виллум взглянул на видеокамеру.

– Нет, конечно же нет. Но мы обязаны соблюдать необходимые предосторожности.

– Ты прекрасно знаешь, что я сама могу за себя постоять. Кроме того, меня защищает вот это.

Она постучала рукой по передней части платья – раздался такой звук, будто она стучит по кольчуге. Девочка взглянула на непромокаемый, непробиваемый материал с таким выражением лица, будто он был изобретен исключительно для того, чтобы обречь ее на мучения.

Она украдкой перехватила взгляд Виллума, и ей показалось, что тот с величайшей осторожностью подбирает слова для ответа.

– ...При определенных обстоятельствах это действительно так. Но нас беспокоят непредвиденные ситуации, которые могут возникнуть в связи с необычайным притоком людей из Дальних Земель.

– Это же надо! И что, все они тоже представляют для меня угрозу?

– Нет, нет, конечно.

– Тогда вели остановить машину.

– Стоув, нам следует остерегаться толпы. Ты ведь знаешь, как люди на тебя реагируют.

– Но мы же на мосту, Виллум, здесь никого нет! Останови машину.

– Это нежелательно.

– Мне нужен воздух. Я задыхаюсь!

Стоув видела в зеркальце заднего обзора, как взгляд водителя нервно перескакивает с нее на Виллума, а блокиратор у него над ухом пульсирует сильнее обычного. Он должен был подчиниться – но кому? С тяжким вздохом Виллум кивнул головой. Клирик с явным облегчением остановил машину и выключил электрический двигатель. Машины сопровождения,

следовавшие за ними и впереди них, тоже остановились, дверцы их распахнулись, и на мост повыскакивали клирики в синей форме. Они тут же разбежались по обе его стороны, высматривая подозрительных личностей.

– Погуляй, но только несколько минут, – сказал Виллум. Он всегда шел навстречу разумным пожеланиям девочки.

Дверца со стороны сиденья Стоув распахнулась. Она вышла из машины на мост. Порыв сильного ветра ударил ей в лицо, поднял все ее четыре юбки, даже жесткий стоячий воротничок склонился под напором воздушного потока. Стоув нравилось, когда дул ветер. Его порывы приглушали слова, которыми она собиралась обменяться с Виллумом.

Внизу зеленела вода залива. Вверху синело бездонное небо. А по обе стороны залива ввысь уходили десятки куполов небоскребов, выстроенных в эпоху Консолидации, когда отряды повстанцев то и дело нападали на Город и часто шли красные дожди. Когда-то эти купола использовались для защиты элиты от обрушивавшейся с неба разрушительной заразы, отравлявшей все живое. Теперь под этими куполами располагались лаборатории, созданные для того, чтобы поддерживать жизнь одряхлевших старцев. Возвышавшиеся за ними здания новой архитектуры Владык Города отражали их победу над предателями и изменниками. Сверкающие остроконечные шпили, башни, напоминавшие очертаниями памятники, и возвышающаяся над всеми зданиями Великая Пирамида – шедевр архитектуры из стекла, пульсирующее сердце Города.

Вот какой он, Город – единственный Мегаполис, переживший эпоху Консолидации, и он ее обожает. Ее образ здесь повсюду – на плакатах, указателях, даже на таких гигантских рекламных щитах, как тот, который возвышается в конце этого моста. Она – истинная дочь самого Города, образ его будущего. Для граждан она – само совершенство, сострадание, милосердная красавица, возможность и надежда. Такой ее сделал Дарий, и кем же он стал для нее теперь? Лжецом. Город – его творение, а горожане – его подданные. И он контролирует их так же, как контролирует ее.

На некотором расстоянии от процессии росла и удлинялась выстроившаяся очередь машин. Судя по их цветам, многие принадлежали частным владельцам. Такая привилегия предоставлялась лишь гражданам, внесившим вклад в прославление Города, – дизайнерам, инженерам, архитекторам, докторам и им подобным. Но, как и в других аналогичных ситуациях, имевших место в Мегаполисе, никто не жал на гудок, не возмущался ни один водитель. Все терпеливо ждали, сколько бы времени это ожидание ни занимало. В Городе никто никогда ни на что не жаловался. А если вдруг кому-то хотелось пожаловаться, он куда-то почему-то очень быстро пропадал.

– Ладно, – сказала Стоув, – теперь мы можем поговорить.

– Тебя уже ждут на фабрике.

– Знаю, в центре нашей цивилизации. Виллум, мне нравятся эти визиты. Я понимаю, какой важный вклад вносят рабочие, и согласна с тобой, что не надо заставлять их ждать. Но...

– Охрана очень нервничает. И ветер здесь такой сильный.

– Это недолго, – настаивала она, повернувшись к спутнику. – Мне приснился дурной сон, Виллум.

– Тебе и раньше снились плохие сны, – ответил он ей.

Тем не менее в его невыразительном тоне девочка расслышала нотку интереса.

– Те сны были не такие. – Она внимательно вглядывалась в выражение его лица, пытаясь точно определить, что ему известно и как много она ему может рассказать. – В этом сне мне привиделся человек в накидке из разноцветных перьев.

Собеседник казался невозмутимым, но теперь ей было совершенно очевидно, что он слушает ее с напряженным вниманием.

– И кем же был этот оперенный незнакомец?

– Это он принес в Негасимый Свет смерть и разрушение.

– Стоув, когда тебе будут сниться такие кошмары, всегда мне о них рассказывай.

Он сказал это таким тоном, каким говорят родители, души не чающие в своих чадах. Почему, интересно, это вызвало у нее одновременно и радость, и раздражение?

– Ты смогла после этого снова заснуть?

Она подогрела его любопытство, не сводя с Виллума пристального взгляда:

– В том кошмаре человек-птица говорил с Хранителем. Он чем-то вызвал недовольство Старейшего. Не выполнил какое-то его задание. Но был за это наказан.

Виллум смотрел на нее не мигая.

– Ясно как день, что твой дар сновидений продолжает набирать силу.

Да, он явно был заинтригован. Подозрения его усиливались. Интересно, поделится ли он с кем-нибудь своими соображениями?

– Ты когда-нибудь встречал такого человека-птицу, какого я видела во сне?

– Мне известно лишь то, о чем мне рассказывали, а это совсем немного. Когда я работал в пустынных землях внешнего предела, мне что-то говорили о таком человеке. – Он смолк, поймав настороженный взгляд одного из клириков. – Пойдем. Они будут следовать за нами.

Пока они шли по пешеходной дорожке под массивными канатами, на которых над пенистыми бурунами был подвешен мост, клирики разбежались во все стороны, стремясь неукоснительно сохранять порядок, предписанный инструкцией по охране.

– Его зовут Ворон.

– Надо же, какое имя замечательное. Оно совершенно не соответствует тому ушлому, жалкому подлецу, который валялся на полу в зале Хранителя.

Он что, улыбнулся? Слишком натянуто. Ну ничего, она еще его поймает. Игру его разгадает, правду его выведает.

– Говорят, он очень плохо учился в семинарии. Природа его обделила способностями к учению.

– Но ведь по заведенному регламенту семинаристам в закрытых семинариях вживляют блокираторы, а потом они становятся клириками.

– Дарий приказал отменить имплантацию. Ворон был необычайно умен и изворотлив, поэтому Хранитель дал ему задание присоединиться к новому движению, зарождавшемуся в Дальних Землях.

– Поняла – это были братья. Получается, что один из первых последователей Святого был доносчиком Дария. Совсем неглупо.

– Но и не очень умно. Хоть Ворон и сумел успешно тебя доставить под защиту Старейшего, он не смог выяснить, где был твой брат. Или так ему сказал.

– Я должна быть ему вечно за это благодарна, – сказала Стоув с приторной улыбкой. – Дарий мне как отец родной. Его великодушие не знает пределов.

– Потом стало ясно, что все это время Роун был вместе с братьями прямо под носом у Дария.

– Получается, что Ворон оказался предателем?

– Выглядело это именно так. Ворона привезли к Дарию, допрашивали, пытали, но виновность его так и не смогли доказать.

– Ты не веришь ему?

– Нет.

– Получается, он может знать, где мой брат.

– Может быть, знал когда-то, но теперь не знает.

Стоув обхватила рукой поручень, глядя на бурливший внизу поток.

– Спасибо тебе, мой добрый Виллум, – произнесла девочка с улыбкой.

– Я здесь лишь для того, чтобы служить тебе, Стоув.

– Знаю.

Как же он потом на нее посмотрел? Она готова была поклясться, что с радостью, если не с восторгом. Но нет – ей надо контролировать свои чувства и ни в коем случае нельзя видеть в других то, что она ощущала сама. Беспечно она поступала, легкомысленно, позволила себе показать ему свое торжество. Она оказалась права в отношении Ворона и пришла от этого в восторг, но демонстрировать это Виллumu было совсем без надобности. Она ни перед кем не должна раскрывать свои истинные чувства, даже перед ним, всегда должна быть начеку, постоянно постигая тайное, скрытое явным. Потому что явное, лежавшее на поверхности, всегда оказывалось ложью, которой Владыки хотели запудрить ей мозги.

– Это Наша Стоув! Наша Стоув!

На пешеходной дорожке с другой стороны моста стояли мужчина и женщина и энергично махали ей руками.

– Наша Стоув! – кричали они, лица их светились ликованием.

Стоув подняла тонкую ручонку в приветственном жесте, губы ее сложились в натянутую улыбку. Какой же беззащитной и уязвимой она должна была казаться на фоне изображавшего ее гигантского плаката, где ее невинная ангельская улыбка была призвана согреть мир. Огромными буквами на плакате было выведено: «Наша Стоув».

О да, Город от нее без ума. Жители поклоняются ей как божеству. Но подчиняются они не ей. Их подлинный владыка – Дарий.

Пока.

ЗАДАНИЕ

*КОГДА-ТО ТАМ ОКАЖУТСЯ
ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДЕТЕЙ.
ОНИ ПРЕКРАСНО БУДУТ ЗНАТЬ
МЕЧТАНЬЯ ВСЕХ ЛЮДЕЙ.
ТУДА ИХ ГРЕЗЫ ПРИВЕДУТ,
КУДА ОНИ ПОЙДУТ,
И ЗА СОБОЙ ВСЕХ УВЕДУТ —
ВСЕХ, КТО НЕСЧАСТЛИВ ТУТ.
КНИГА НАРОДА НЕГАСИМОГО СВЕТА*

Главный зал располагался в самом большом бревенчатом доме, где находились кухня и столовая. Утром Роун, Лампи и люди из Оазиса печально сидели за одним из столов; стулья, стоявшие рядом с двумя другими, оставались пустыми. Селдон поставил перед ними кастрюлю с кашей, и каждый наполнил себе миску. Молчание нарушил Лорен.

— Вы видели их сегодня утром?

Селдон покачал головой.

— Я принес детям завтрак, но к ним не заходил.

Терра сказала оставить его у двери. Выглядела она как привидение. Я так понял, что они работали там всю ночь.

— Судя по всему, не только они не спали этой ночью. — Роуну никто не ответил.

Действительно, заснуть не удалось никому.

— Тебя послушать, Селдон, — пробурчал Меррит, — дело там вообще никак не продвинулось.

— Должен вам признаться, что подслушивал под дверью, — смущенно сказал повар. — Но расслышал только голоса двух женщин.

— Самое разумное сейчас, — проговорил Лампи, повторяя вывод, сделанный прошлым вечером Роуном, — всем нам вернуться к своим обязанностям, а они пусть делают свое дело.

По лицам людей было видно, что всех охватило безысходное настроение. Если бы только понять причину того, что случилось с детьми, можно было бы что-то *делать*, а не чувствовать беспомощность и отчаяние.

После видения, явившегося ему на вершине холма, Роун достал меч-секач из тайника, в который его раньше упрятал. Юноша просидел с ним у своего укрытия, как ему казалось, долгие часы и лишь потом достал его из ножен. Ему удобно было держать меч в руке, он казался легким. Слишком легким. Он надеялся, что вряд ли когда-нибудь вновь им воспользуется, но чувствовал себя как-то увереннее от того, что оружие было рядом.

Завтрак окончился — все придвигали за собой стулья к столу и расходились по делам. Это и вывело Роуна из задумчивости. Он без промедления и даже с облегчением принялся за работу в саду. Обливаясь потом под лучами яркого солнца, он вскапывал плодородную землю. Ладони его покрылись волдырями, отчаянно ныла спина, но он продолжал ворочать лопатой тяжелые пласты земли. Работа его успокаивала.

Не думая о времени, он останавливался только для того, чтобы напиться, надеясь в глубине души, что каким-то чудесным образом этот кошмар рассеется.

— Она готова! — крикнул Лампи из-за ограды.

Роун бросил лопату на землю, ополоснул у рукомойника лицо и под косыми лучами закатного солнца направился с другом в сторону жилища. Лампи тихонько постучал в дверь, она чуть-чуть приоткрылась. Терра сделала им знак войти.

Все четырнадцать детей лежали в кроватках, от бровей до пальчиков на ногах утыканные многочисленными поблескивавшими иглами. Было ясно, что они дышат, но других проявлений жизни в детях Роун не заметил – они лежали совершенно неподвижно. Аландра склонилась над одной из самых маленьких девочек – Дани, аккуратно капая ей на губки какую-то жидкость. Целительница взглянула на Роуна – от бессонницы под глазами ее образовались большие темные круги.

– Им ничего не помогает – ни травы, ни примочки, ни ароматические средства.

– Даже иголки? – спросил Лампи, кивнув в сторону Джо.

Аландра бросила на него полный отчаяния взгляд.

– Ничего.

– Мы оба знаем, что это не болезнь.

Она покачала головой.

– Ты заблуждаешься, Роун.

Роун еле сдержался, чтобы не закричать на нее. Как она могла отрицать очевидную истину даже теперь? Почему она не хотела даже признавать такую возможность?

– А в чем Роун не прав? – озадаченно спросил Лампи.

– Я брала их с собой в Край Видений, хоть он и говорил, что это может плохо кончиться, – ответила ему Аландра.

Лампи в недоумении перевел взгляд на Роуна.

– Но ведь это была необходимая часть их подготовки, разве не так?

– Если верить ловцам видений. Они на этом настаивали. – Обернувшись к Аландре, Роун спокойно, но выразительно добавил: – А я с этим никогда не соглашался.

– Но мне казалось, ты ничего против такого решения не имел.

– Очень удобная для тебя позиция.

– Они уже были к этому готовы.

Разрываясь между двумя друзьями, Лампи пытался сообразить, в чем состояла суть проблемы.

– Но, Роун, ведь эти путешествия были неотъемлемой частью их подготовки, разве не так? У этих детей невероятный потенциал. И мы привели их сюда, чтобы помочь им его развить!

– Теперь ты видишь результат, к которому это привело.

– Нет, – решительно заявила Аландра. – Мы не знаем, почему так случилось. Почему вообще это как-то должно быть связано с Краем Видений? Я соблюдала все необходимые предосторожности. Брала их туда с собой только во внешние пределы, где они не могли подвергнуться никаким воздействиям.

– Очевидно, этого им вполне хватило.

– У тебя нет никаких доказательств.

– Вспомни, сколько раз ты сама мне говорила, что воздействие Края Видений и снадобья причинило моей сестре большой вред!

Аландра в ответ набросилась на него:

– Неужели ты считаешь, что я вытворяла с детьми то же самое, что Обращенные делали с твоей сестрой? Или ты думаешь, что я поступала безрассудно после всего, что мы вместе пережили, после всего, что мне довелось повидать?

Роун не ответил. Ему хотелось ей верить, но именно в этом вопросе его все время терзали сомнения. Он был настолько уверен в ее любви к детям, что никогда не оспаривал ее решений, даже когда чувствовал, что должен был это сделать. Но вместе с тем он никогда не забывал о том, что лишь часть Аландры пребывает в этом мире. Другая ее часть оставалась с ловцами видений, причем он был совершенно уверен, что именно они сказали ей устраивать детям эти

проверки. Они даже могли ее обманывать в отношении риска, а она, должно быть, верила их доводам. Да и сейчас, наверное, верит.

– Мне кажется, Роун, Аландра говорит правду, – сказал Лампи.

– Он может думать все, что ему заблагорассудится, – заявила Аландра.

– Аландра, – мягко проговорил Роун, – ты очень заботишься о детях. Я знаю, как много сил ты им отдаешь. Прости меня.

Она приняла его извинения прохладно.

– Но, – добавил Роун, – еще мне кажется, что ты можешь не знать всей правды, которая скрыта за полученными тобой указаниями.

– Какая же это, по-твоему, правда?

– Об этом я должен спросить ловцов видений...

– Но это слишком опасно. Обращенные все еще тебя ищут.

– Именно поэтому все эти месяцы я не бывал в Краю Видений. Но, думаю, что случившееся с детьми вполне можно назвать чрезвычайной ситуацией. Мне хочется знать, что скажут по этому поводу другие ловцы видений. Я должен услышать это, глядя им в глаза.

Целительница задумалась над его словами и согласилась.

– Есть одно место, которое мы контролируем и считаем, что Обращенные туда проникнуть не могут. Но и там нам надо будет таиться и ни при каких обстоятельствах никуда больше не проникать.

– Согласен.

Аландра открыла маленькую простую коробочку, взяла щепотку лилового снадобья и проглотила.

– Возвращайтесь с ответами. Пожалуйста! А ты, Роун, – многозначительно добавил Лампи, – имей в виду, что лучше всего это сделать, задавая вопросы.

Роун с улыбкой воспринял совет Лампи. Друг его был, конечно, прав – ему следовало подавить отчаяние и сосредоточиться на положении детей. Восстановив контроль над дыханием и сердцебиением, он неспешно сосредоточил энергию в пятках, потом в ногах, она прошла через его позвоночник и из макушки устремилась ввысь.

ВЫСОКО НАД ГОЛОВОЙ ПО БАГРЯНОМУ НЕБУ ПЛЫВУТ ЖЕЛТЫЕ ТУЧИ. РОУН В СВОЕМ ГЛИНЯНОМ ТЕЛЕ СТОИТ СО СТАРУШКОЙ-КОЗОЧКОЙ НА ПОЛЕ, ГДЕ ТАМ И СЯМ РАЗБРОСАНЫ ОКРУГЛЫЕ ВАЛУНЫ.

«КАК НАМ ВЫЗВАТЬ ИХ, АЛАНДРА?»

СТАРУШКА-КОЗОЧКА С ГЛУБОКОЙ ПЕЧАЛЬЮ СМОТРИТ ЕМУ В ГЛАЗА.

«ЕСЛИ БЫ ТЫ МНЕ ВЕРИЛ, ЭТО БЫ НАМ НЕ ПОНАДОБИЛОСЬ», – ГОВОРИТ ОНА, ВОЗДЕВАЯ ВВЕРХ РУКИ.

ТУСКЛАЯ АУРА САЛАТНОГО ЦВЕТА ГУСТЕЕТ, ПРЕВРАЩАЯСЬ В ИЗУМРУДНО-ЗЕЛЕНУЮ. СКОРО ОНА СТАНОВИТСЯ НАСТОЛЬКО ЯРКОЙ, ЧТО РОУНУ ПРИХОДИТСЯ ОТВЕРНУТЬСЯ.

«СДЕЛАЙ ТО ЖЕ САМОЕ», – ГОВОРИТ ОНА ЕМУ.

ОН СМОТРИТ НА СОБСТВЕННУЮ АУРУ И МОЛЧА СТАРАЕТСЯ СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ОНА СТАЛА ТАКОЙ ЖЕ, КАК У СТАРУШКИ-КОЗОЧКИ. СКОРО ОБА ОНИ НАЧИНАЮТ ИСПУСКАТЬ НАСТОЛЬКО СИЛЬНОЕ СИЯНИЕ, ЧТО ОНО УСТРЕМЛЯЕТСЯ В НЕБО.

«ОНИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ», – ГОВОРИТ АЛАНДРА.

ПРЯМО НАД НИМИ ВОЗНИКАЕТ ЕДВА РАЗЛИЧИМЫЙ БЛИСТАЮЩИЙ ВОЗДУШНЫЙ КРУГ. ВОЗДУХ В ЕГО ПРЕДЕЛАХ СТАНОВИТСЯ ВЛАЖНЫМ, И СКВОЗЬ НЕГО ПРОБИВАЮТСЯ ДВА СТОЛБА СВЕТА, СФОКУСИРОВАННЫЕ НА ЗЕМЛЕ ПОЗАДИ ТОГО МЕСТА, ГДЕ СТОИТ РОУН.

«ТЫ, РОУН, КАК Я ВИЖУ, ВСЕ ЕЩЕ ЖДЕШЬ, КОГДА ТЕЛО ТВОЕ ОБРЕТЕТ СВОЮ ИСТИННУЮ ФОРМУ».

ГЛИНЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК ВИДИТ СИДЯЩУЮ НАПРОТИВ НИХ ПУМУ. РЯДОМ С ОГРОМНОЙ кошкой СТОИТ КРАСНАЯ ЯЩЕРИЦА И СМОТРИТ НА НИХ НЕМИГАЮЩИМ ВЗГЛЯДОМ.

РОУН НЕ ОБРАЩАЕТ ВНИМАНИЯ НА ИХ СНИСХОДИТЕЛЬНЫЙ ТОН.

«ЧТО ПРОИЗОШЛО С ДЕТЬМИ?»

ЯЩЕРИЦА СТРЕЛЬНУЛА ЯЗЫКОМ:

«МЫ ПЫТАЕМСЯ ЭТО УЗНАТЬ».

«ВЫ ЗАСТАВИЛИ ИХ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ В КРАЙ ВИДЕНИЙ ДО ТОГО, КАК ОНИ БЫЛИ К ЭТОМУ ГОТОВЫ».

ПУМА ЗАРЫЧАЛА:

«ЕСЛИ БЫ ИХ СИЛЫ НЕ НАШЛИ ПРИМЕНЕНИЯ, ОНИ СТАЛИ БЫ РАЗРАСТАТЬСЯ, НАКАПЛИВАТЬСЯ И ПРИЧИНИЛИ БЫ ИМ НЕПОПРАВИМЫЙ ВРЕД».

«НО ВМЕСТЕ С ТЕМ ВЫ УТВЕРЖДАЕТЕ, ЧТО СИЛЫ МОЕЙ СЕСТРЫ РАЗРАСТАЛИСЬ И ПРИЧИНЯЛИ ЕЙ ВРЕД ИМЕННО ПОТОМУ, ЧТО ИМ НАХОДИЛИ СЛИШКОМ ХОРОШЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ. ЗДЕСЬ У ВАС КОНЦЫ С КОНЦАМИ НЕ СХОДЯТСЯ, ВЫ ПРОТИВОРЕЧИТЕ САМИ СЕБЕ».

«ЭТИ ДЕТИ СОВСЕМ НЕ ТАКИЕ, КАК ТВОЯ СЕСТРА».

РОУН В ОТЧАЯНИИ. ОН РЕШАЕТ ПОДОЙТИ К ВОПРОСУ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

«ВЫ ГОВОРИТЕ, ЧТО ИЩЕТЕ ОТВЕТЫ. ЧТО ВАМ УДАЛОСЬ УЗНАТЬ?»

ПУМА КРУГАМИ ХОДИТ ВОКРУГ РОУНА, ПОТОМ РЕЗКО ОБОРАЧИВАЕТСЯ К ЖЕНЩИНЕ-КОЗОЧКЕ:

«АЛАНДРА!»

«ЭТО НЕ ОСЛАБЛЕННОСТЬ ДЕТЕЙ, ОНИ ВСЕ ТАК ЖЕ СИЛЬНЫ. И НИКАКОЙ ОТРАВЫ В НОВОМ СВЕТЕ НЕТ, ПОТОМУ ЧТО ЗЕМЛЯ ТАМ НИЧЕМ НЕ ЗАГРЯЗНЕНА. ВИРУСА ТАМ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ. Я НЕ ВЫЯВИЛА И НАМЕКА НА БОЛЕЗНЬ».

«У ВАС ЕСТЬ КАКИЕ-НИБУДЬ СООБРАЖЕНИЯ О ТОМ, ЧТО МОГЛО С НИМИ СЛУЧИТЬСЯ?» – НАСТАИВАЕТ НА СВОЕМ РОУН.

СТАРУШКА-КОЗОЧКА НЕ ОБРАЩАЕТ ВНИМАНИЯ НА ВОПРОС РОУНА И ПЕРЕДВИГАЕТСЯ БЛИЖЕ К ПУМЕ.

«У НАС ЕСТЬ НЕКОТОРЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ», – ОТВЕЧАЕТ ЕМУ ПУМА.

ЯЩЕРИЦА ПОДНИМАЕТСЯ НА КАМНЕ.

«ОДНАЖДЫ ТЫ СПАС ДЕТЕЙ, И ОНИ НЕ ОКАЗАЛИСЬ ВО ВЛАСТИ ОБРАЩЕННЫХ. МОЖЕТ БЫТЬ, ТЕПЕРЬ ОНИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ДРУГИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ЧТОБЫ ИХ ПОХИТИТЬ».

«У ВАС ЕСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?» – СПРАШИВАЕТ РОУН.

ПУМА ПЕРЕГЛЯДЫВАЕТСЯ С ЯЩЕРИЦЕЙ. ОНИ КАЧАЮТ ГОЛОВАМИ.

«У НАС НИЧЕГО НЕТ. НО ДРУГОГО ОБЪЯСНЕНИЯ МЫ ПРЕДЛОЖИТЬ НЕ МОЖЕМ».

«ТОГДА СРАЗУ ЖЕ ВОЗНИКАЕТ ВОПРОС: ЕСЛИ ВЫ ВЕРИТЕ, ЧТО ТАКОЕ ВОЗМОЖНО, ЗАЧЕМ ЖЕ ВЫ ПРИВОДИЛИ ДЕТЕЙ В КРАЙ ВИДЕНИЙ? НА ЧТО НАДЕЯЛИСЬ? ЧТО ХОТЯТ ОТ НИХ ОБРАЩЕННЫЕ?»

«МЫ ИЩЕМ ОТВЕТЫ».

«ВЫ ЭТО УЖЕ ГОВОРИЛИ».

МАЛЕНЬКАЯ МОШКА ПРОЛЕТАЕТ МИМО МОРДЫ ЯЩЕРИЦЫ. ЩЕЛКНУВ ЯЗЫКОМ, ТА ЕЕ ГЛОТАЕТ, И ВСЕ ОНИ ИСЧЕЗАЮТ.

Лампы с нетерпением ждал, когда Роун откроет глаза.

– Если даже им что-то известно, они нам не говорят, – пробормотал Роун.

Аландра медленно подняла голову.

– Они расследуют это дело. Скоро мы получим ответы.

– Что ты имеешь в виду под словом «скоро»?

– Не знаю, Лампи.

Лампи собрался было ей что-то возразить, но Роун, поймав взгляд друга, остановил его:

– Хорошо. Мы подождем.

– А пока я должна вернуться к детям, – сказала Аландра, укоризненно посмотрев на Роуна.

Желая ее подбодрить, Лампи коснулся руки девушки.

– Я знаю, что под твоим присмотром им ничего не грозит.

Как только они вышли из дома на солнечный свет, их тут же обступили мастера, обрушившие на них шквал вопросов.

– Что-нибудь удалось выяснить? – спросил Лорен.

– Они выкарабкаются из этой передраги? – громко произнесла Билдт.

– Там было так тихо, аж жуть пробирала, – заявил Меррит.

– Я так думаю, вы отправились странствовать в Край Видений, – поделился своей догадкой Лорен. – Мне кажется, что там ловцы видений занимаются какими-то нечистыми делами.

– Никаких ответов пока нет, и улучшений – тоже. – Глядя на пришедших из Оазиса людей, Роун чувствовал, что все они с нетерпением ждут разгадки. Они считали, что ловцы видений должны были помочь им. Ну что ж, значит, они ошиблись. – Простите, – пробормотал он.

Роун кивнул собравшимся и быстрым шагом направился к лесу. Лампи шел вместе с ним.

– Они хотя бы знают причину того, что случилось?

– Всю вину они вают на обращенных.

– А ты что по этому поводу думаешь?

– Не знаю. Но собираюсь выяснить.

– Когда мы отправляемся в путь?

– Тебе не хочется остаться рядом с Джо и Джемом?

– Здесь я ничем им помочь не смогу.

– Тогда уйдем как стемнеет.

– Будем кому-нибудь об этом говорить?

Роун вздохнул.

– Все эти люди пришли сюда из Оазиса. Они воины, Лампи, наши охранники. Я уверен, что все их действия направляют ловцы видений. – Роун мрачно посмотрел на Лампи. – И Аландра – одна из них.

– Никогда не поверю, что Аландра могла причинить вред детям.

– Если исходить из того, что она – наш друг, это, конечно, представить себе невозможно. Но ведь она – ловец видений. Я им больше не верю, а она слишком им доверяет. Мне не хочется, чтобы она знала, куда мы пойдем.

– А куда мы, собственно говоря, направляемся?

Рон улыбнулся в первый раз после того, как с детьми случилось несчастье.

– Мне было видение...

Лампи рассмеялся, закатив глаза к небу.

– Ну конечно, как же это раньше до меня не дошло!

БЕЗГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ВСЕ, КТО ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ОСНОВНЫЕ УСЛУГИ, УЖЕ ОХВАЧЕНЫ АЛЬФА-БЛОКИРОВКОЙ, И МЫ РАДЫ ОБЪЯВИТЬ, ЧТО ЭТО ВЫСОЧАЙШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ ЗНАНИЙ И ОПЫТА СКОРО СТАНЕТ ДОСТУПНЫМ ДЛЯ ВСЕХ. МЕГАПОЛИС ВСЕГДА СТРЕМИТСЯ КРЕПИТЬ ЕДИНСТВО, СИЛУ И МУДРОСТЬ СВОЕЙ КОНГРЕГАЦИИ.

ПРОКЛАМАЦИЯ ВЛАДЫКИ КЕРИНА

Бетонное шоссе, по которому Стоув ехала на протяжении последнего часа, было совершенно гладким, по сторонам его через равное расстояние стояли сторожевые вышки. Этим шоссе пользовались только Владыки и их приближенные, а другие разбитые дороги предназначались для всех остальных путешественников, а также для беженцев. Шоссе было проложено по казавшейся бескрайней равнине. Стоув рассеянно посматривала в окно и скучала, в машине никто не разговаривал. Охватившее было ее оцепенение прошло лишь тогда, когда вдали замаячили ветряные генераторы – знак того, что вскоре они приедут на фабрику. Она слегка напряглась при виде огромных вращающихся крыльев ветряков. Ветер был ей по душе – он способен на многое: от нежного дуновения до страшных ураганов, все сметающих на своем пути. У них с ветром было много общего – они невидимы, могущественны, а порой смертельны. Стоув обожала ветер.

Когда кавалькада автомобилей подъехала к воротам, Стоув вдруг почувствовала, что за ней наблюдают. Она огляделась по сторонам, но увидела только гюнтера, который сквозь толстые стекла очков смотрел на трансформатор ветряных генераторов. Поговаривали, что гюнтеры с их полусгнившими мозгами годятся лишь на то, чтобы поддерживать в исправности энергетическую систему. Они прячутся от всех как мыши, говорят как автоматы, и, вообще, приятными существами назвать их никак нельзя. Но было в них что-то такое, что вызывало у нее не то отвращение, не то преклонение... Эти их большие глаза, скрытые толстыми линзами очков... Зависимость Города от этих отбросов общества была поистине необъяснима, она не раз задумывалась над тем, почему Дарий даровал им статус гильдии. Девочка оглядывалась, но ощущение, что ее просматривают чуть ли не насквозь, прошло. Если бы этот тупой работяга не торчал здесь и не отвлекал ее, она бы без труда обнаружила камеру слежения.

Когда все машины въехали в раскрывшиеся ворота, ей бросилась в глаза эмблема фабрики, гордо вывешенная над входом: БЕЗГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. Стоув про себя усмехнулась – это было занятно.

Не успела она выйти из машины, как ее окружила дюжина клириков, которые быстро подвели ее ко входу в здание фармацевтической фабрики. Там ее уже ожидал с приветствиями крупный приятный человек с мелкими зубами – управляющий фабрикой. Она тут же узнала в нем подхалима Фортина. Когда собирался совет, он всегда пытался ко всем подлизаться, причем делал это, унижая собственное достоинство. Может быть, достоинство у него и в самом деле отсутствовало напрочь. Из сорока одного Владыки он единственный имел самое низкое звание – управляющий. Его вопиющая некомпетентность была притчей во языцех, а самого его воспринимали как записного дурака. Даже мрачный Керин не прочь был его высмеять.

– Наша Стоув, ты осчастливила нас своим посещением!

Фортин утер правый глаз небольшим платочком, но отнюдь не потому, что при виде Стоув был тронут до слез. Сосуды в его глазу покраснели и вздулись, и глаз сильно слезился. Вскоре он все будет видеть как в тумане, потом у него перед глазами замельтешат темные

пятна, и в итоге он совсем потеряет зрение. Интересно, чьи глазенки они тогда тебе вставят, дурачина Фортин?

– Это ты доставил мне удовольствие своим приглашением, достойный Фортин.

– Ты очень ко мне добра. Большая честь для меня сопровождать вас при осмотре нашего предприятия.

Виллум с клириками надели белые халаты, тканые перчатки и закрытые матерчатые тапочки поверх обуви. Сама Стоув, в алой мантии, наброшенной поверх широкой юбки, не нуждалась ни в каких дополнительных аксессуарах. И санитарной обработки Стоув не требовалось.

Через двойную дверь ее провели в огромный зал, где сотни людей работали, уставившись в увеличительные стекла и орудия необычайно сложными инструментами, создавая какие-то устройства, похожие на...

– Блокираторы? – спросила Стоув.

– Наша Стоув как всегда проникает взглядом в суть вещей, – ответил ей Фортин.

– Какая у вас выработка?

Он усмехнулся.

– Сто штук в день.

– Просто невероятно.

Стоув бросила взгляд на Виллума, но он, казалось, был целиком поглощен деталями производственного процесса. Почему, интересно, это так его заинтересовало?

– Мы достигли потрясающих производственных успехов. Лишь пять из трех тысяч блокираторов оказываются бракованными.

– Значит, в прошлом году...

– ...были успешно активированы тридцать пять тысяч семьсот блокираторов, да будет благословен Хранитель.

– Да, – сказала Стоув. – Люди бывают очень непокорны. А ваши блокираторы помогают объединить всех наших граждан.

– Это потрясающее средство, обостряющее внимание, – ответил Фортин. – Эффективность работы клириков после установки блокираторов повысилась в три раза. Устройство имеет невероятный потенциал. Мы еще только начинаем исследовать многочисленные возможности его применения. Это ужасно интересно!

Теперь она отлично понимала причину пристального интереса Виллума к этому предприятию, а заодно и к самому Фортину. Подхалим, оказывается, просто разыгрывал спектакль: то, что на первый взгляд казалось самым низким званием – управляющий фабрики, – на самом деле было одной из самых важных должностей в Мегаполисе, причем значение ее постоянно возрастало. Неплохо.

Сопровождая ее по бесконечным переходам, управляющий показывал ей разные помещения, где сосредоточенно, с улыбкой на лице работали многочисленные техники, которых подгоняли имплантированные над ухом блокираторы. Они были у всех без исключения работников фабрики. На самом деле их вставляли всем гражданам Мегаполиса, работавшим в сфере услуг, кроме гюнтеров, потому что они работали с электрооборудованием, которое влияло на поле, образуемое блокираторами. С самого момента их изобретения Дарий был на них просто помешан. Он постоянно работал над совершенствованием их функций и развитием областей применения. А если судить по словам Фортина, Старейший замыслил еще более грандиозное их усовершенствование.

Когда просвистел свисток, Стоув провели по пролету металлической лестницы на балкон, нависавший над большим производственным помещением. Столпившиеся внизу рабочие смотрели на нее с обожанием и благоговением.

Фортин вышел к волновавшейся внизу толпе:

– Наша Стоув благословляет нас сиянием своего присутствия. Свет, который она несет, озаряет наше славное будущее. Наша Стоув!

Все рабочие вторили его возгласу. Фортин протянул ей руку и подвел Стоув ближе к краю балкона. Как она была доверчива! По блаженному выражению лиц девочка видела, что эти люди не просто любят ее – они ее боготворят. Конечно, они ее обожают... Ведь Управляющий Фортин внушает им это чувство через блокираторы. И ее соблазнил его подхалимаж. Это же ясно как день! Владыки балуют ее, холят и лелеют, на руках носят, чтобы она им верила, чтобы стала их послушным орудием. А что случится, если они поймут, что она – их враг? Что тогда? Если через свои блокираторы они прикажут этим людям разорвать ее на куски? Ответ понятен и дураку.

– Для меня честь быть сейчас здесь, среди таких талантливых, преданных своему делу людей. Я знаю, что Дарий и Владыки Города чрезвычайно ценят вашу работу. И я тоже.

Раздались аплодисменты и громкие возгласы одобрения.

– Когда я здесь, с вами, так близко от вас, когда я вижу, как вы работаете на своих рабочих местах, узнаю о ваших блистательных свершениях, сердце мое наполняется радостью и волнением. Я чувствую свою близость с каждым из вас. Каждый из вас запечатлен в моем сердце, потому что все мы – как одна семья. А я – как сестричка каждого из вас.

– Стоув! Стоув! Стоув!

Стоув – девочка с плакатов Владык, впервые с начала визита на фабрику вдруг отчетливо поняла истинную цену разразившихся оваций: они были естественной реакцией на тот сигнал, который получало контролируемое население. Ей вдруг стало так грустно, но усилием воли девочка собралась. Нельзя тебе расслабляться, идиотка, приказала она себе. Ты не можешь себе позволить даже малейшего проявления слабости, иначе Дарий тебя в бараний рог согнет. Надо держать себя в руках – чего бы это ни стоило. Не смей расслабляться! Вот так, и никак иначе.

Виллум повел Стоув к выходу, поддерживая ее под локоть, но она успела бросить в сторону Фортина самый свой чарующий взгляд. Хотя глаз Управляющего и слезился, он прекрасно замечал все, что ему было надо. При этом ему казалось, что это замечал только он. Но здесь Фортин ошибался.

– Ты держалась великолепно, все сделала правильно, – с одобрением сказал Виллум.

– Знаю, – ответила она. – Мне нравятся такие визиты.

– Ты всегда так говоришь, но сегодня мне показалось, что у тебя было что-то еще на уме.

– Просто я немного устала. И речи эти повсюду одинаковые... Не очень приятно каждый раз повторять одно и то же.

Виллум вздохнул с таким видом, будто пробовал на вкус горячий напиток.

– В таком случае, Стоув, должен тебе сказать, что тебя ожидает еще более тяжелое испытание.

Ну вот, началось.

– Какое? – спросила девочка.

Виллум отвел взгляд в сторону, пальцы его сжались в кулаки.

– Ну давай, Виллум, говори, не тяни. Ты меня заинтриговал.

– Путешествие.

– Я и так каждый день путешествую в поисках брата.

– Теперь твое задание изменилось.

– Ты хочешь сказать, что мне больше не надо будет искать Роуна?

Клирик распахнул дверцу машины, но Виллум в нее не сел.

– Нет. Больше его искать не надо. По крайней мере, какое-то время.

– Кто же тогда будет его искать?

Он пристально посмотрел ей прямо в глаза.

– Никто.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Дарий сообщил мне сегодня утром, что Роун объявлен мертвым.

– Но ведь он не умер, – с вызовом возразила она.

– Мне очень жаль, Стоув, мне действительно очень жаль.

– Дарий ошибается.

Виллум бросил на нее суровый взгляд.

– Не забывай, что твой отец – Старейший, Хранитель Города, Архиепископ Мегаполиса, Великий Провидец. Что бы ни случилось, всегда думай перед тем, как говорить.

– Конечно, Виллум. Прости, я погорячилась.

Стоув почувствовала, что дрожит мелкой дрожью. Когда они выяснили, что Роун умер? Откуда они об этом узнали?

– Тогда все в порядке. Мы начнем готовить тебя к новому заданию.

Она искала брата последние два года. Три часа в день звала его через усилители, принимала снадобье, плакала по нему. Ее легендарный брат, в чьих руках были ключи от разрушения и спасения. А теперь они дают ей новое задание, решив, что Роун мертв. Не может быть! Она бы об этом узнала.

– От тебя ждут исполнения твоего долга, – предупредил ее Виллум.

– Конечно, ждут. Какое значение имеет для тебя смерть моего брата? Он для тебя просто еще один мальчишка из Дальних Земель! А для меня он – брат. И он умер!

Стоув больше не сдерживала волной накативший гнев, наконец она узнает, что случится, когда она совершенно выйдет из себя.

– Ты ничего не знаешь! Ничего! НИЧЕГОШЕНЬКИ! В ней накопилось столько ярости, что она словно засочилась из всех пор, зрачков, всего ее нутра, легких, сердца. И тут она пронзительно завопила с такой силой, что водитель повалился на колени, потом на землю и забился в агонии. Остальные клирики тоже корчились в судорогах.

– Не смей, Стоув! – отшатнулся от нее Виллум и заткнул уши. Она увидела, как его окутало еле заметное сияние – он создал защитную ауру, чтобы спастись от ее вопля! – Прекрати, Стоув! Сейчас же замолчи! – требовал Виллум.

Но она не хотела останавливаться, не хотела сдерживаться, ей было так хорошо, так приятно. Ее покидали страхи, одиночество, опасения и подозрения – все рвалось из груди наружу и облегчало душу.

Виллум оказался гораздо сильнее, чем ей казалось раньше. Она представила себе лицо Дария, и ярость накатила новой волной, ударила в ауру Виллума и отбросила его назад.

– Хватит!

Стоув истошно вопила, пока вся скопившаяся внутри гадость не вышла наружу. Ничего в ней не осталось, совсем ничего. И тут она ощутила, что ее отталкивает аура Виллума. Это же надо – он был в состоянии ее оттолкнуть!

Она огляделась вокруг. Все клирики лежали на земле и стонали, корчась от боли, которую она им причинила. У водителя текла из ушей кровь, и он лежал неподвижно.

– Я что – убила его? – удивилась Стоув.

Аура Виллума пропала. Склонившись над телом, он холодно посмотрел на нее: «Еще дышит...»

Эту ее способность вполне стоило совершенствовать! И она этим обязательно займется. Если даже Виллум в состоянии ее оттолкнуть, значит, Кордан, скорее всего, сможет ее сокрушить. А о том, на что способен Дарий, даже подумать страшно. Она должна стать сильнее. Гораздо сильнее.

Стоув коснулась языком клыка и поняла, что он выпал, – девочка потеряла еще один молочный зубик.

ТОПЬ

*НЕУЖТО БОЛОТО ЕГО ПОГЛОТИЛО?
НЕ МОЖЕТ ТАК БЫТЬ, ЧТОБ ТАК БЫЛО.
ВЕРА В ТАКОЕ – ДЕЛО ПУСТОЕ:
ПРОРОЧЕСТВО БЫЛО ИНОЕ.
ОНО НОВЫЙ МИР ОБЕЩАЛО СОЗДАТЬ,
И, КАЖЕТСЯ, НАШЕМУ РОУНУ
ЕЩЕ МНОГО СИЛ ПРЕДСТОИТ ПРИЛАГАТЬ,
ЕЩЕ ЕМУ ДОЛГО ПРИДЕТСЯ ШАГАТЬ,
ЧТОБ ВСЕ ВОПЛОТИТЬ БЕЗУСЛОВНО.
ПРЕДАНИЯ СКАЗИТЕЛЕЙ*

Роун с Лампи почти бесшумно брели по каменистому берегу озера под мутными лучами рогатого воскового месяца. Они не разговаривали, потому что прекрасно понимали друг друга без слов. Они снова путешествовали вдвоем по неизведанным просторам, путь их мог быть опасен, но на этот раз речь шла не об их жизнях, а о жизнях четырнадцати детей, за которые они были ответственны. Верхушки деревьев осветили первые лучи восходящего солнца, и Лампи указал на ручеек, о котором рассказывала Билдт, когда пришла к ним с другими мастерами.

– Она говорила, что по руслу этого ручья они шли сюда от самого Оазиса.

Роун опустил на колени и стал смотреть на воду и мелкую гальку на дне ручья.

Лампи с удивлением уставился через его плечо.

– Ты увидел там что-то интересное?

Роун покачал головой.

– Эти камешки, сам ручей мне что-то напоминают.

– Может быть, они тебе в видении привиделись?

– Да нет, мне кажется, это тот путь, по которому нам надо идти. Но если он ведет в Оазис...

– Ты опасешься, что эти мысли наслали тебе ловцы видений?

Роун все глядел в журчащую воду, пытаясь разобраться в своих чувствах.

– Нет, они тут ни при чем. Это точно. Мы идем верной дорогой... пока.

– Почему ты не рассказал мне, что потерял доверие к ловцам видений?

Роун набрал со дна пригоршню гладких камешков и стал задумчиво перекачивать их в ладони.

– Я себя вроде как дураком чувствую. Как же можно было больше доверять человеку, которого видел лишь мельком, чем людям, на деле доказавшим, что они нам друзья?

– Ты имеешь в виду того сказителя... Камьяра? Того самого, который предупреждал тебя, что ловцам видений верить нельзя?

– Ты запомнил?

– Такие вещи не забываются.

– Нет, дело не в этом, – вздохнул Роун. Он даже почувствовал облегчение от того, что Лампи тоже запомнилось предостережение Камьяра. У него мелькнула мысль, что надо было раньше обсудить это с Лампи, ведь он чувствовал себя таким одиноким наедине с собственными подозрениями. – В любом случае, я не мог такого допустить. Меня все время мучила мысль, что у ловцов видений есть какие-то тайные планы в отношении меня и детей. Конечно, нам нужна была помощь Билдт и всех остальных, кто пришел к нам из Оазиса, но я нутром чувствовал, что тогда ловцам видений было бы совсем легко нас контролировать. А теперь, когда дети больны, мне надо было бы больше прислушиваться к своим чувствам, как-то действовать, что-то говорить, причем делать как можно скорее.

– Что именно?

– Не знаю. Что-нибудь.

– Но без них мы ничего не могли бы сделать.

Хотя Роун признавал справедливость слов Лампи, это ни на йоту не снимало с него ответственности. Он бросил камешки обратно в ручей.

– Значит... – Лампи смущенно вздохнул, – ...если верить твоему видению, ты уверен, что мы на правильном пути?

– Да. Точно... Мне кажется. Я хочу сказать, мы пойдем туда, куда меня ведет.

– Кто ведет – зверь какой-нибудь или растение?

– Человек какой-то, я так думаю.

– Этот человек, к которому тебя тянет... надеюсь, его намерения не пойдут нам во зло, как тебе кажется?

– Нет, думаю, такого не случится.

Лампи покачал головой.

– Значит, я так это дело понимаю. Мы уходим от людей, которые к нам очень хорошо относятся, но мы им не доверяем, к кому-то неизвестному и, может статься, очень опасному человеку, кому мы доверяем без всякой на то причины.

– Да. Ну что, поворачиваешь назад?

– Шутишь?

Бросив прощальный взгляд на Новый Свет, они зашагали вниз по руслу ручья.

* * *

Почва вдоль берега ручья оказалась неровная, в любой момент можно было оступиться, за спинами у них висели тяжелые заплечные мешки, и потому друзья продвигались вперед небыстро. Но путь им облегчали хорошая погода, густой аромат хвои и заливистые трели белых сверчков. Роун часто задумывался о мече-секаче, лежавшем у него за спиной. Он решил, что взять его с собой необходимо. Юноше казалось, что до того, как путешествие его завершится, вполне возможно, ему придется еще воспользоваться теми знаниями и навыками, которым он научился у братьев. Значит, не пришло еще время о них забыть.

К концу третьего дня пути они пришли в долину, где воздух стал холоднее. Деревья там не росли, снежные сверчки исчезли, земля поросла широколистным папоротником. На небольшой полянке Лампи сбросил рюкзак.

– Здесь и заночуем.

Уставший после трудного дневного перехода Роун разложил на земле постель и собрал хворост для костра. Лампи показал на высившиеся вдали горы.

– Если верить Билдт, путь в Оазис лежит отсюда к северу, селение расположено по другую сторону тех гор. Так что... нам, наверное, надо двигаться в другую сторону?

– Может, ты и прав.

– Вот и хорошо. Легче идти на восток по предгорьям.

– Нет, мы пойдем на запад.

– Но ведь на западе сплошные болота!

– А внутренний голос ведет меня именно туда.

– Всегда тебя ведет куда-то не туда...

– Нет, именно туда! Дерево, которое я ищу, растет как раз где-то на болоте.

Лампи скорчил недовольную рожицу.

– Знаешь, я где-то слышал краем уха, что тамошние земли когда-то затопило и они забо-
лотились. Места там непроходимые, гиблые, одним словом – топь. Жуткое какое-то болото. В
здравом уме никто туда не попрется.

– А нам придется двигаться именно туда.

Лампи глубоко вздохнул.

– Стоит только подумать, что попал наконец в райские кущи, как снова приходится тащиться в Пустошь, в болота эти...

– Могло быть и хуже.

– Это точно – вот там хуже и будет, попомни мои слова.

На восходе, когда Роун проснулся, Лампи уже был готов двигаться в путь. Он срезал длинную жердь, чтоб идти по болоту, и запасся питьевой водой.

– Завтракать можешь в постели. Радуйся пока, что сухой. Кто знает, сколько потом времени мы будем мокнуть!

Пока Роун жевал, Лампи рылся в небольшой сумочке.

– Ну вот, нашел, слава богу, – сказал он, вынув небольшую старенькую жестяную коробочку, открыл крышечку и понюхал содержимое. – Ух! Неплохо сохранилось. – Он сунул коробочку под нос Роуну.

Тот аж подпрыгнул. От неожиданности и жуткого зловония его чуть не вырвало.

– Это воняет... тухлыми яйцами!

Лампи закрыл крышечку.

– Тухлые яйца против насекомых не действуют.

Это – притирка из драконьей травы.

– Ты ведь не хочешь сказать, что мы должны...

Лампи заговорщически улыбнулся и мазнул притиркой по подбородку Роуна.

– Это средство еще вдобавок и нос прочищает!

Они двинулись в путь по зарослям папоротника, и Роун вдруг ощутил надвигавшуюся опасность. Как будто повинуясь какому-то сигналу, его тело и разум вспоминали приемы ведения рукопашного боя, которым за последний год он почти не занимался. Он полностью отдавал себе отчет в каждом движении, каждый шаг его становился упражнением в силе, выносливости и концентрации. Заросли стали густыми и непроходимыми, и Роун принялся расчищать путь мечом-секачом. Он не рубил растения направо и налево, как делали некогда первопроходцы, торя свой путь в густых девственных лесах неведомых земель, а отделял каждый ствол, срезал его мечом быстро и точно в том месте, которое намечал заранее.

Лампи склонился и осмотрел срезы.

– А меч твой от этого не затупится?

Роун пожал плечами.

– Его надо чистить и затачивать каждый вечер, но лезвие очень прочное.

* * *

Через пару дней пути их мрачные представления о болоте переменились. Никаких туч мошкар и застоявшейся, вонючей, хлюпающей под ногами жижи. Жаливших насекомых, к счастью, было совсем немного, а на стоявших там и сям деревьях распускались яркие цветы. Вокруг них суетливо носились золотистые бабочки, над самыми зарослями папоротника деловито сновали поблескивающие стрекозы, на водной глади свободно плавали небольшие фиолетовые лилии, а грунт был достаточно твердым, и они быстрым шагом продолжали путь. Когда стали спускаться сумерки, друзья разбили на ночь лагерь на возвышении у самой воды. Там росли деревья, каких раньше они никогда не видели, с толстыми, выющимися ветвями и листьями, которые при прикосновении сворачивались в трубочку.

– Твоя драконья притирка такая вонючая, что все кусачие жуки и мошки улетели в болото. А когда эта вонь выветрится?

– Как только помоешься.

Роун тяжело вздохнул.

* * *

В вечернем тумане жаркий костер потрескивал ветвями папоротника. Аромат запекавшегося на костре сома, которого они выловили в воде голыми руками, завораживал и Роуна, и Лампи. Сверчки устроились у них на плечах и сидели тихо-тихо, будто в оцепенении, даже усиками не шевелили.

Напротив Роуна, по другую сторону костра, в сполохах огненных языков плавно обрисовались контуры странного мальчика.

«ТЫ УЖЕ ПОЧТИ У ЦЕЛИ».

«ДА, Я ЧУВСТВУЮ ЭТО».

«ТЫ ПРИШЕЛ НЕ ОДИН?»

«С ДРУГОМ. А ЧТО?»

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

«ОН ТОЖЕ СТРАННИК?»

«НЕТ. МЫ ОЧЕНЬ ДАЛЕКО?»

«ЧТО ЗНАЧИТ „ДАЛЕКО“?»

Очертания странного мальчика растаяли в воздухе. Роун перевел взгляд на Лампи. Тот шевелил ветки в костре и был целиком поглощен этим занятием. Он даже не заметил, что у Роуна было видение.

– Я видел мальчика. Он, кажется, не возражал, что я привел тебя с собой.

– Это утешает, – буркнул Лампи. – Мне совсем не по душе быть незванным гостем.

– Это хороший знак. Мы движемся в правильном направлении.

– Знаешь, хочешь верь мне, а хочешь – нет, пока что мне все очень нравится. – Лампи расплылся в широкой улыбке, вытаскивая из огня запеченную рыбку. – А дальше все будет еще интереснее.

ПОДГОТОВКА К НЕВЕДОМОМУ

В ЧЕСТЬ ТОРЖЕСТВА НАШЕГО ГОСПОДСТВА АРХИЕПИСКОП НАЧИНАЕТ СООРУЖЕНИЕ МОНУМЕНТАЛЬНОГО СТРОЕНИЯ, РАВНОГО ПО ВЕЛИЧИЮ ИСЧЕЗНУВШИМ ВЕЛИКИМ ПИРАМИДАМ ГИЗЫ. ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ, КОТОРУЮ ЕЖЕДНЕВНО ДАРУЕТ НАМ СТАРЕЙШИЙ, ЕГО ВЕЛИКАЯ ПИРАМИДА БУДЕТ СДЕЛАНА ИЗ СТЕКЛА, ДАБЫ НЕСТИ ЕГО СВЯЩЕННЫЙ СВЕТ
ПРОКЛАМАЦИЯ ВЛАДЫКИ КЕРИНА

А теперь еще скорее. Давай! – крикнул виллум.

Стоув изо всех сил бросилась к вертикальному щиту высотой в полстены, оттолкнулась от гимнастического мостика и подпрыгнула вверх, поравнявшись с вершиной щита. Взмахнув ногами, она на какой-то миг зависла над ним вниз головой в воздухе и в этот момент почувствовала, что могла бы так и висеть, как подвешенная. Потом сделала сальто и приземлилась на ноги с другой стороны щита.

Виллум стоял на брусках, подмечая все мельчайшие детали техники ее прыжка.

– Еще раз.

– Сегодня это у меня уже семнадцатый прыжок.

– Теперь прыгай восемнадцатый. И на этот раз назови мне шесть Строений Дария.

Заняв исходную позицию, Стоув начала перечислять:

– Бастион.

Пробежав полпути, бросила:

– Завиток!

Подпрыгнув вверх, выкрикнула:

– Спираль!

Перевернувшись в воздухе, добавила:

– Антия!

А после безукоризненного приземления по другую сторону щита закончила:

– Водоворот и Глазок. Всего – шесть, – улыбнулась она. Но Виллум хмурился. – Что на этот раз не так?

– Ты снова слишком быстро оттолкнулась пятками от доски.

Стоув со злости топнула ногой по полированному дубовому полу небольшого спортивного зала.

– На сегодня с меня достаточно!

Виллум перешагнул через скакалку, конец которой держал в руке.

– Прекрасно. Тогда сейчас будешь делать упражнения на выносливость.

Он был напряжен и озабочен. Дошла ли уже новость о том, что она сделала с клириками, до Дария? Решится ли он ее за это наказать? Какую решит уготовить ей кару? Стоув собралась с силами, взяла у Виллума скакалку и стала через нее прыгать. Каждая мышца ныла... Может, это и было ее наказанием?

– Какое из шести Строений предназначено исключительно для целей обороны?

– Бастион, – ответила Стоув.

Ей очень хотелось, чтобы Виллум перестал себя с ней держать так сурово. А как, интересно, она должна была реагировать на известие о смерти брата? Наверное, они ошиблись. Нет, точно – ошиблись. Она бы об этом узнала, почувствовала бы! Они, наверное, специально врут, готовя ее к новой миссии. Ясно, что и Виллуму это совсем не по душе.

– Что такое Колодец Забвения?

Стоув вздохнула. Когда же, наконец, закончится этот урок? Надо хоть немного позабавиться, отвечая ему в такт прыжкам.

– Он был открыт Провидцем в пятнадцатый год после Консолидации. Колодец стирает память любого, кто решит из него напиться. Старейший использовал его воды для строительства Завитка, поэтому те, кто в него попадает, напрочь забывают о том, кто они такие, и о своем прошлом.

О чем, интересно, они собираются ее просить? Конечно, о чем-то опасном, иначе Виллум не был бы так расстроен. Значит, задание будет важным, очень важным. Теперь ясно, что оно как-то связано со Строениями.

– В чем состоит второе назначение Спиракали?

– Спиракаль – это метод исполнения любого смертного приговора, вынесенного Страннику за преступления против Мегаполиса. Как только астральное тело приблизится к пульсирующей утробе Спиракали, оно превратится в энергию, и утроба мгновенно его поглотит и присовокупит к структуре Края Видений. Этот страшный суд считается самой гуманной и эффективной формой из всех существующих видов смертной казни. – Обливаясь потом и задышавшись, она спросила: – Виллум, почему ты задаешь мне все эти вопросы?

– Для твоей подготовки их важно освежить в памяти.

– Как, интересно, я смогу успешно тренироваться, не зная, к чему меня готовят?

– Я не вправе рассказывать тебе о твоей миссии. Моя задача состоит в том, чтобы подготовить тебя к ее успешному выполнению. Но для этого, скорее всего, придется использовать по крайней мере одно или два из Строений.

Так она и думала.

– Дарий на меня сердится?

– Мне кажется, он пока не решил, как с тобой поступить за твое недостойное поведение. Удар!

Стоув отбросила скакалку, взмыла в воздух и нацелилась пятками в ребра Виллума. Молниеносным движением руки вниз он отбил грозивший ему удар.

– Слишком медленно.

Она разразилась градом ударов, обрушивая их на его ноги, живот, шею. Он отражал их легкими движениями кулака, оставаясь совершенно спокойным и невозмутимым. Не отчаиваясь, она извернулась, и ей удалось угодить ногой ему в колено.

– Теперь лучше, – сказал он, не успев уклониться от удара.

Она снова достигла цели, и на этот раз ей удалось сбить его с ног. Девочка тут же вскочила, чтобы нанести новый удар – на этот раз в голову, но тут кто-то вошел в спортивный зал и отвлек ее внимание. Виллум схватил ее за пятку, и она свалилась на мат.

– Так нечестно!

– Ты должна чувствовать, а не смотреть, уметь все время заново оценивать обстановку, одновременно концентрируясь на цели. Любое отвлечение будет на руку твоему противнику. Такая ошибка, как эта, может стоить тебе жизни, – наставлял Виллум.

Над ней нависла фигура Кордана.

– С такой слабой концентрацией внимания ты точно не справишься со следующим упражнением.

Мысль о снадобье и о путешествии в Край Видений пересилила ее отвращение к этому человеку. Пусть он себе втайне злорадствует, если ему так хочется, а она скоро отправится в странствие. Хватит уже этих изматывающих тренировок – они из нее и так, наверное, весь пот выжали. Виллум почему-то считал, что она не работает, пока девочка вся не взмокнет от пота.

– Ну так что? – нетерпеливо спросил Кордан.

– Нам надо тренироваться еще несколько часов, – спокойно ответил Виллум.

Кордан постоянно искал повод, чтобы поддеть Виллума. Ясно, что эта новая миссия, к которой ее стали готовить, предоставит ему много таких возможностей. Кордан, будто не услышав Виллума, желчно сказал:

– Если хочешь знать мое мнение, я не вижу никакой причины, по которой нельзя прервать ваши занятия.

– Я приму это во внимание, – ответил Виллум, почтительно поклонившись Кордану.

Выходя с Владыкой Корданом из спортивного зала, Стоув чувствовала на себе взгляд Виллума. Он был прав: ей не обязательно на него смотреть – она его ощущала.

Как обычно неразговорчивый, Кордан торопливо вел ее по переходу со стеклянными стенами в примыкающее здание, она легко за ним поспевала. Девочка была уверена, что он знает о ее проступке. Разве мог он быть не в курсе дела, если куда бы она ни пошла, нервные клирики тут же перед ней расступались или просто пускались наутек? Весь Город, должно быть, уже судачит о произошедшем.

Кордан распахнул дверь в Зал Путешествий. Там стояли четыре стеклянных стула, форма каждого из которых в точности соответствовала форме тела садившегося на него человека. Кордан уселся на ближайший к нему стул – самый маленький, на который обычно садилась Стоув.

– Это мое место, – сказала Стоув.

– Да, обычно твое, – согласился Кордан, но остался на месте.

Во взгляде Стоув блеснула молния. Зачем он, интересно, эти игры разыгрывает, зачем пытается вывести ее из себя?

– Сегодня твоя задача – ускорение. Ты хорошо усвоила прошлые уроки или нам надо их повторить?

Стоув безмятежно улыбнулась.

– Я ничего не забыла.

С еле заметной самодовольной ухмылкой он поднялся со стула, как бы ненароком взял коробочку и предложил ей полную ложку снадобья. Получаемое от снадобья удовольствие она всегда связывала с надеждой встретиться с Роуном, но в тот день все было по-другому: теперь они больше не будут позволять ей искать брата. И все же возбуждение в ней как всегда нарастало. Может быть, она волновалась еще и потому, что не знала, какое ей предстояло выполнить задание и сможет ли она пройти испытание. А что касается Роуна, здесь они, конечно, ошибаются – девочка была совершенно уверена, что когда-нибудь найдет его.

Стоув широко раскрыла рот. Она проглотила снадобье, привычно ощутив исходящий от него жар.

Кордан продолжал держать в руке ложку.

– Тебе достаточно?

Она покачала головой. Он прекрасно знал, что одной порции ей не хватало уже несколько недель. В зал вошел Виллум и занял его место – он не догадывался, что она принимала уже вторую ложку. Если б знал, наверняка бы этому воспротивился.

Стоув сглотнула – снадобье проскочило в желудок.

И тут ее окутало теплое сияние и увлекло за собой в Край Видений.

СООБЩЕСТВО УСИКОВ

*КРАСНЫЙ ДОЖДЬ УНИЧТОЖАЛ ВСЕ, НА ЧТО ОН ПОПАДАЛ.
НО НЕ ВСЕ, ЧТО ОН СЖИГАЛ, УБИВАЛ ОН НАПОВАЛ. ЭТО
ВСЕ НЕ ПОГИБАЛО, ПОСТЕПЕННО ВЫЖИВАЛО, НО С ГОДАМИ
ИЗМЕНЯЛОСЬ И В ИНОЕ ПРЕВРАЩАЛОСЬ.*

ХРОНИКИ ВОЙНЫ

К полудню следующего дня Роун с Лампи двигались уже чуть не по пояс в мутной воде, с опаской ступая по илистому дну.

– Так я и знал, что болота нам не миновать, – сетовал Лампи.

Здесь уже не было ни бабочек, ни распустившихся на поверхности воды цветов. Вместо них высоко над водой поднимались какие-то толстые молочно-белые стебли. В самом верху их будто лохматой шапкой покрывала спутанная масса багровых усиков, чем-то неприятно напоминавшая куски сырого мяса.

– Эти комья сверху стеблей выглядят очень вкусными. Как думаешь, может попробовать съесть один?

Роун ухмыльнулся – он-то хорошо знал, что аппетит у Лампи поистине неумный. Но когда тот уже протянул руку, чтобы сорвать усики, подлетела упитанная стрекоза и села на стебель. Не прошло и нескольких секунд, как усики ее оплели и стали высасывать из насекомого соки.

– Нет, знаешь, я, пожалуй, воздержусь, – пожал плечами Лампи.

Роун хмыкнул и указал на какой-то предмет, висевший вдали. Это было дерево с отслаивающейся оранжевой корой.

– Вон туда, туда нам надо идти. Это тот самый указатель, который явился мне в видении.

– Ну что ж, – без особого энтузиазма произнес Лампи, – хорошо хоть, что из этой жижи болотной оно растет вверх, а не вниз.

Но добраться до дерева оказалось нелегко. С каждым шагом они все глубже погружались в трясину. Казалось, они не приближались к цели, а удалялись от нее.

– Ну вот, теперь это больше похоже на правду, – сухо бросил Лампи.

Роун заторопился, сделал большой шаг вперед и провалился – дно нащупать он так и не смог. Пока парень пытался обрести под ногами опору, его все дальше относил от мелководья и затягивало в глубь. Он ничего не видел в мутной воде. Через некоторое время юноша перестал сопротивляться и сосредоточился, чтобы замедлить ритм биения сердца.

ОН ПАРИТ В ТЕМНО-ЖЕЛТОМ НЕБЕ, ЗАЛИТОМ СОЛНЕЧНЫМ СВЕТОМ.

ЕГО НЕЛЕПОЕ, НЕУКЛЮЖЕЕ ГЛИНЯНОЕ ТЕЛО С ТАКОЙ ЛЕГКОСТЬЮ ВИТАЕТ В ПОДНЕБЕСЬЕ, ЧТО ОН ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ВОЛЬНОЙ ПТИЦЕЙ. ОН НЫРЯЕТ ВНИЗ И КУВЫРКАЕТСЯ В НАДЕЖДЕ, ЧТО ЛАМПИ СМОЖЕТ ВЫТАЩИТЬ ЕГО БРЕННОЕ ЗЕМНОЕ ТЕЛО ИЗ ТРЯСИНЫ. ХОТЬ ЕМУ ЗДЕСЬ ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ, ОН НЕ ХОЧЕТ НАВЕКИ ОСТАТЬСЯ В ЛОВУШКЕ КРАЯ ВИДЕНИЙ БЕСФОРМЕННЫМ КУСКОМ ЛЕТУЧЕЙ ГЛИНЫ. ИЛИ ОН ОБРЕЧЕН ИСЧЕЗНУТЬ, ЕСЛИ ЕГО ЗЕМНОЕ ТЕЛО ПОГИБНЕТ?

ЭТИ ЖУТКИЕ МЫСЛИ ВДРУГ ВЫЛЕТАЮТ У НЕГО ИЗ ГОЛОВЫ, КОГДА ОН ВРЕЗАЕТСЯ В КОЛОННУ ИЗ ЧЕРНОГО КАК СМОЛЬ КАМНЯ, ПОДНИМАЮЩУЮСЯ С ОСТРОВА, РАСКИНУВШЕГОСЯ ДАЛЕКО ВНИЗУ. ЭТО ОДИН ИЗ БЕСКОНЕЧНОГО РЯДА НЕПРОНИЦАЕМО-ЧЕРНЫХ СТОЛПОВ, ПРОТЯНУВШИХСЯ МЕЖДУ МОРЕМ И НЕБОМ. РОУН ОСТОРОЖНО ПРОДВИГАЕТСЯ МЕЖДУ ДВУМЯ КОЛОННАМИ, КОГДА ОТ ОДНОЙ ИЗ НИХ ОТДЕЛЯЕТСЯ ГИГАНТСКИЙ ШИП И С БЕШЕНОЙ СКОРОСТЬЮ НЕСЕТСЯ ПРЯМО ЕМУ В ГРУДЬ. ОН ЕЛЕ УСПЕВАЕТ ЧУТЬ УКЛОНИТЬСЯ В СТО-

РОУНУ, И ШИП ПРОНОСИТСЯ СОВСЕМ РЯДОМ С НИМ. СТОЛПЫ МЕЧУТ В НЕГО ДЕСЯТКИ ШИПОВ ДЛИНОЙ В РУКУ. РОУНУ ТРЕБУЕТСЯ ВСЯ ЕГО СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ И СНОРОВКА, ЧТОБЫ УСПЕВАТЬ ОТ НИХ УВЕРТЫВАТЬСЯ. ХОТЬ ОН ОСТАЕТСЯ В ОБЛИКЕ ВИДЕНИЯ, ЕМУ УДАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВСЕ СВОЕ МАСТЕРСТВО В БОЕВЫХ ИСКУССТВАХ, ЧТОБЫ УВЕРТЫВАТЬСЯ И ОТМАХИВАТЬСЯ, НАНОСИТЬ И ОТРАЖАТЬ УДАРЫ. В КОНЦЕ КОНЦОВ ОН ОТЫСКИВАЕТ ПРОСВЕТ, В КОТОРЫЙ ТУТ ЖЕ УСТРЕМЛЯЕТСЯ И ВЗМЫВАЕТ ВВЕРХ, ПРОНЗАЯ ОБЛАКО.

ОКУТАННЫЙ ТУМАНОМ, ЧУВСТВУЯ СЕБЯ В ОТНОСИТЕЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОН РАССМАТРИВАЕТ ТО, ЧТО КАЖЕТСЯ ЕМУ ЗАЩИТНОЙ СТЕНОЙ. ЭТОТ ТИП ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ВСЕГО, ЧТО ОН ВИДЕЛ В КРАЮ ВИДЕНИЙ РАНЬШЕ. ЧТО ОНО ЗАЩИЩАЕТ?

ЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ СТЕНЫ ПРЕРЫВАЕТ НЕБОЛЬШОЙ СОКОЛ, КРУГАМИ ПАРЯЩИЙ ВНИЗУ. ЕГО ОЧЕРТАНИЯ СМЕНЯЮТСЯ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ТРЕВОЖНЫМ ЗРЕЛИЩЕМ: ОН ВИДИТ ОГРОМНЫЕ БУРЫЕ КРЫЛЬЯ. НАД ДЛИННЫМ КЛЮВОМ ГИГАНТСКОЙ ПТИЦЫ ОН ВИДИТ МЕРЗКИЕ КРАСНЫЕ КОЖИСТЫЕ НАРОСТЫ. НЕУЖЕЛИ ЭТО ТОТ ЖЕ СТЕРВЯТНИК, КОТОРЫЙ КОГДА-ТО УЖЕ ПЫТАЛСЯ ЕГО ВЫСЛЕДИТЬ? ОН ЕЩЕ ГЛУБЖЕ ЗАРЫВАЕТСЯ В ОБЛАКО, НАБЛЮДАЯ ЗА ПРОИСХОДЯЩИМ СКВОЗЬ ОКУТЫВАЮЩИЙ ЕГО ТУМАН.

ОТ РАСКИНУВШЕГОСЯ ВНИЗУ МОРЯ ДОНОСИТСЯ РОКОЧУЩИЙ ЗВУК. ВВЕРХ ПОДНИМАЮТСЯ КЛУБЫ ДЫМА, СКВОЗЬ КОТОРЫЕ ПРОСТУПАЮТ СТРАННОЙ ФОРМЫ ОЧЕРТАНИЯ СУЩЕСТВА С ТЕРРАКОТОВОЙ КОЖЕЙ, КОТОРАЯ ЛОПАЕТСЯ И РВЕТСЯ, С РУК ЕГО КАПАЕТ КРОВЬ. ЛИЦО ЕГО РАЗГЛЯДЕТЬ ПОЧТИ НЕВОЗМОЖНО, НО ОН УЗНАЕТ ЕГО МГНОВЕННО. ЕГО ВЫДАЮТ ГЛАЗА – ЭТО СТОУВ.

ЕГО СЕСТРА, КОТОРУЮ ОН ТАК ДОЛГО СЧИТАЛ ПОТЕРЯННОЙ. ЕМУ ХОЧЕТСЯ ВЫКРИКНУТЬ ЕЕ ИМЯ, ПОЛЕТЕТЬ К НЕЙ, СХВАТИТЬ ЕЕ И ВЗЯТЬ К СЕБЕ. НО ВМЕСТО ЭТОГО ОН ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ ЛЕТИТ СКВОЗЬ ОБЛАКА, МИНУЯ ИХ, ДОСТИГАЕТ ПРЕДЕЛОВ АТМОСФЕРЫ И ТАМ ВЫРЫВАЕТСЯ В ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ...

Роун никак не мог прокашляться и все ловил ртом воздух.

– Я видел ее, я видел Стоув.

– Тише ты, успокойся, – сказал Лампи, крепко обхватив друга руками. – Я нашел такое место неглубокое, где можно встать. Роун, ты слишком долго оставался под водой. А что там, кстати, было-то – в Краю Видений?

– Я вообще туда не собирался. Это получилось как-то само собой.

– А Стоув тебя там видела?

– Не думаю. Она была там не одна.

– Ну что ж, у нас есть по крайней мере одна хорошая новость.

– Да ну? И какая же?

– Ты не погиб.

– Мы оба на том свете окажемся, если не будем двигаться к этому дереву без спешки и очень осторожно.

Они шли со всеми возможными предосторожностями, избегая топких и глубоких мест. Путь, который посуху занял бы у них несколько минут, здесь длился много часов. Насквозь промокшие, все в грязи, поту и тине, они наконец достигли сухой земли, когда солнце уже скрылось за горизонтом.

Скинув рюкзак, Лампи внимательно оглядел малюсенький островок твердой почвы, на котором росло дерево.

– Как, интересно, мне на куче этих корней разводить костер?

Роун протянул руку, схватился за ветку, подтянулся, влез на дерево и стал пристально оглядывать болото.

– Что-нибудь видишь?

– Да, болото.

– Хотел бы я сказать, что это место мне все больше по душе.

– А я из-за него чуть Богу душу не отдал, и повторять это ощущение мне бы совсем не хотелось.

Держась за ствол дерева и надежно упершись ногами, Роун быстро срезал мечом-секачом пару длинных веток и сбросил их вниз Лампи.

Тот вздохнул и покачал головой.

– И почему я сам до этого не додумался?

Пока они срезали тоненькие веточки, чтобы разжечь костер, Роун беспокойно перебирал в памяти события прошедшего дня. Он вел себя в болоте непозволительно легкомысленно. А все потому, что впервые за долгое время он почувствовал себя свободным от ответственности за других людей, и это вскружило ему голову. Но, по большому счету, он знал, что это – опасная иллюзия. Из-за нее он чуть было не погиб, и даже не единожды. Что это за такие странные, смертельно опасные столпы видел он в Краю Видений? Почувствовали ли стервятник или Стоув его присутствие? Попытается ли она его догнать, может быть, даже найти его?

Роун так погрузился в раздумья, что не сразу заметил, как застыл Лампи, глядя на пару выпученных глаз, уставившихся на него из воды. Молниеносным движением он ударил веткой по зеленоватому контуру.

– Вот и наш ужин! – с улыбкой сказал он, вытаскивая из воды огромную болотную лягушку.

У Роуна внутри будто что-то оборвалось. В Негасимом Свете они никогда не убивали животных для еды. Всеядным он стал по необходимости, он даже рыбу ел. Но такое?

– Ты только взгляни, какая она огромная, – сказал Лампи. – Это самая большая лягушка из всех, которых мне довелось повидать. Ты лакомился когда-нибудь лягушачьими лапками?

– Нет, – признался Роун, заметно побледнев.

– Они тебе очень понравятся. – Лампи отрезал у лягушки лапы, насадил их на прутик и пристроил над огнем жариться.

– Я лучше фасоли поем.

– Нет-нет, наши припасы нужно использовать только в крайнем случае, а если есть свежая еда, сначала нужно есть ее.

Друг был прав, и Роун стал настраиваться на худшее. Лампи усмехнулся.

– Не переживай, это вкуснее, чем термиты.

* * *

Лягушачьи лапки оказались вполне съедобными, и Роун так наелся, как еще ни разу не наедался после того, как они с Лампи покинули Новый Свет. После ужина друзья разложили на земле одеяла. Лампи следил за костром, подкидывая крупные ветки в огонь, чтобы он горел всю ночь. Роун точил лезвие меча-секача так же сосредоточенно, как когда-то рисовал песком картины. Он полностью был поглощен этим рутинным занятием и превратил его в упражнение по сосредоточенности взгляда. Он аккуратно водил точильным камнем по поверхности лезвия, и перед его мысленным взором возникла крепкая, покрытая шрамами рука мастера-оружейника, выковавшего этот меч. Ему казалось, что он видит, как искусный кузнец бьет молотом по докрасна раскаленному металлу. Потом перед ним возникло лицо брата Волка, но не того, которого он знал, а такого, каким он был юношей в возрасте самого Роуна.

– Не пора ли заканчивать? – спросил Лампи. – А то еще заснешь и ненароком отрежешь себе пару пальцев.

Роун вышел из состояния транса.

– Я задумался...

– А мне показалось, что ты почти отключился. У тебя даже веки подрагивали.

– Лезвие мне поведало свою историю, – ответил Роун.

– Отлично, еще один дар в тебе раскрылся. Может, тогда сунешь руку в эту жижу и выяснишь, как нам отсюда поскорее убраться?

– Было бы здорово, но так у меня ничего не выйдет. Но ты прав – день выдался долгий, и я вымотался до предела..

– По-моему, долгими были все четыре последних дня, – сказал Лампи, вытянулся на одеяле, закрыл глаза и уснул.

Роун сунул меч-секач в рюкзак так, чтобы он оставался под рукой. Потом растянулся на спине, стал разглядывать звезды в небе и вскоре забылся долгожданным заслуженным сном.

Проснулся он оттого, что на ноги ему шмякнулось что-то тяжелое, холодное и скользкое. В свете молодого месяца Роун увидел, что на нем сидит большая лягушка. Нет, лягушка была не просто большой – она была огромной. Он вздрогнул и спихнул ее на землю. Проснувшись окончательно, он увидел, что весь малюсенький островок кишит лягушками!

Тут вскочил Лампи, одну лягушку он сбросил с груди, другую пнул ногой.

– Извини, ладно? Я был очень голоден. Прости меня!

Накинув одеяло на плечи, Роун стал осторожно карабкаться на дерево, за ним следовал возмущенный Лампи. Добравшись до верхних ветвей, они обмотались одеялами как доспехами и попытались там угнездиться, с опаской поглядывая на лягушачью массу, кишмя кишевшую внизу.

– Они, наверное, так негодуют по поводу того, что мы ими подкрепились, хотя, более вероятно, что кто-то их гонит сюда из воды. – Роун не мог решить, какой из этих вариантов неприятнее.

– Как думаешь, почему?

– Может быть, какой-то хищник пожирает их по ночам? И возможно, сами того не зная, мы вторглись на территорию их убежища.

– Каким же, интересно, может быть этот хищник?

– Должно быть, рыба какая-то, – ответил Роун.

– Чтобы съесть хоть одну такую гигантскую лягушку, рыба должна быть очень большой.

– Тогда, может быть, змея?

– Ты только представь себе змей, которые могут пожирать лягушек такого размера!

– Значит, их тогда просто твердая земля привлекает. Или у них начался брачный сезон.

– Что-то я не заметил... – Лампи напряженно оглядывал поверхность воды. Признаком движения он не заметил, над водой лишь покачивались высокие стебли с красными лохматыми шапками усиков. Он стал присматриваться к ним пристальнее. – Погоди-ка... там движутся сами эти растения.

На первый взгляд казалось, что они лишь раскачиваются от дуновения легкого ветерка, но Роун заметил, что стебли и в самом деле движутся. Очень медленно, как морские актинии, о которых он как-то читал, но они явно меняли положение в болоте.

– Помнишь, когда мы сюда добрались, вокруг островка было всего несколько этих стеблей?

Лампи пожал плечами.

– Их, наверное, пришли навестить друзья.

Теперь весь островок был плотно окружен множеством усатых стеблей, и в мутном свете занимавшегося утра было видно, что к нему приближалось еще больше растений.

Один из стеблей, оказавшихся ближе всего к берегу, внезапно склонился вниз, и его усики схватили отчаянно сопротивлявшуюся лягушку. Все случилось в мгновение ока. Сначала огромная лягушка перестала трепыхаться и застыла, потом исчезла. И тут же, будто по команде, по какому-то условному знаку лягушек стали хватать на ужин остальные стебли.

– Слушай, я, может быть, сошел с ума, – выдвинул предположение Лампи, – но не может ли так быть, что эти растения пасут лягушек, а потом загоняют на остров, чтобы съесть?

– Это достаточно сложная стратегия для охоты.

– А ты слышал что-нибудь о таких растениях?

– Нет, – ответил Роун.

Безумное пиршество продолжалось. Когда из-за горизонта блеснули первые лучи солнца, уцелеть удалось лишь нескольким лягушкам, которые смогли вспрыгнуть на нижние ветки дерева.

– Естественный отбор в действии, – сухо заметил Роун.

– Да. Значит, нас окружает целый лес хищных плотоядных растений...

Хоть стебли теперь стояли неподвижно и их усатые головы смотрели прямо вверх, безжалостное пиршество, во время которого они пожирали гигантских лягушек, так явственно отпечаталось в памяти Роуна и Лампи, что они словно приросли к ветвям дерева. Друзья поглядывали по сторонам, будто чего-то ждали.

– Теперь они на какое-то время насытились, – произнес Лампи.

– А может быть, они сожрали все свои запасы.

Они так и сидели на дереве, пока оставшиеся лягушки не попрыгали с островка в воду, причем странные стебли с усатыми головами не обращали на них никакого внимания.

– Вот теперь можно слезать, – предложил Лампи.

Они не торопясь спустились с дерева. Вокруг все было спокойно. Роун поднял свой рюкзак. Местами он был заляпан какой-то слизью, но в остальном, казалось, его не трогали. Они медленно направились к воде, но Лампи вдруг резко отклонился назад. Хищный стебель схватил его за левую руку. Он лихорадочно пытался освободиться, но уже в следующий момент жадные усики оплели ему руку по самый локоть.

Выхватив из заплечного мешка меч-секач, Роун одной рукой отсек от стебля головку, а другой – оттащил Лампи поближе к дереву. Когда еще два стебля решили ими полакомиться, они уже были на безопасном расстоянии.

– Я так теперь понимаю, что нас они оставили на десерт.

– Ну как ты?

– Гораздо лучше, чем когда эта гадость пыталась оттяпать мне руку.

Конец срезанного стебля снять с руки было легко, но чтобы оторвать от нее все липкие усики, Роуну пришлось изрядно потрудиться – задача была деликатная и кропотливая. Оторвав последний усик, Роун понюхал его – запах был резкий и очень приторный. Не успел Лампи ему помешать, как Роун сунул его себе в рот.

– Ты что?! Зачем?

– Хочу понять, что это такое. Стебли эти совсем не похожи на обычные растения.

– Я это как-то уже успел сообразить...

Роун проигнорировал его потугу на шутку.

– Они обладают... какой-то энергией. Почти как... – Роун запнулся, потому что не мог подобрать нужных слов.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне кажется, они способны думать.

– Но ведь это же... растения.

– Ну да, – сказал Роун, но уверенности в его голосе не прозвучало. Он внимательно посмотрел на руку Лампи. – Думаю, все у тебя будет в порядке. Как ты себя чувствуешь?

– Да вроде ничего страшного, только рука слегка онемела.
– Вот почему лягушки так быстро прекращали сопротивление... Усики поражают добычу каким-то ядом.

– К счастью, я побольше лягушки буду.

– Но если бы на нас напали пять или десять таких стеблей сразу, исход мог бы оказаться смертельным.

– Это точно.

– Дождемся захода солнца. Если повезет, они снова уползут, чтоб сгонять сюда лягушек.

– Как это «повезет»?

– Знаешь, в видениях ничего не было о том, что нас будут осаждать растения. И ни в одной из книг в библиотеке Святого ничего о них не говорилось.

– Ну да, если б не было так страшно, то было бы смешно. Ты, кстати, не помнишь, что говорила о растениях Билдт? Помнишь, она как-то упомянула, что растения реагируют на звук?

– Верно. Она с ними говорила и пела им.

– А ты можешь им поиграть. Посмотрим, будут ли они на это как-то реагировать. Может быть, они тогда отсюда уберутся или уснут на время.

– Ты прав. Попытка – не пытка.

Снова взобравшись для безопасности на дерево, Роун повесил мешок на ближайшую ветку и нашел в боковом кармане флейту.

– Трудно представить, чтобы воинственные братья могли заниматься таким мирным делом, как игра на флейте.

– Брат Аспид был не такой. Почему он оказался с ними в одной компании? Он мне казался таким добрым. Как-то он сказал мне, что это давало ему возможность работать целителем. Может быть, именно поэтому я переживал его предательство сильнее, чем предательство других братьев. Он ведь все то время знал, что Святой с братьями сотворили с Негасимым Светом, он сам участвовал с ними в Божьих карах и во всех их кровавых ритуалах, но никогда не пытался их остановить.

– Может статься, на деле он был совсем другим. Ведь Аландра жила в Праведном, и от этой жизни ее с души воротило, но она, тем не менее, участвовала в переправке в Город детей. Она терпела это, потому что должна была дожидаться твоего прихода, ведь так? Тебя и детей. Слушай, а может так быть, что брат Аспид – тоже ловец видений?

– Брат Аспид?

– Подумай хорошенько, – сказал Лампи. – Если ловцы видений следили за тобой в Оазисе и в Праведном, а потом – в Новом Свете, что могло им помешать делать то же самое, когда ты был у братьев?

Роун задумался над словами друга, вспоминая великодушие Аспида, его заботу о людях, пристальный интерес к Негасимому Свету.

– Раньше мне это как-то не приходило в голову. Но теперь, когда ты так повернул, мне кажется, это вполне возможно.

– Спасибо на добром слове. А теперь давай сыграй что-нибудь на флейте, и тогда станет ясно, есть ли у нас шанс загипнотизировать эти растения.

Зажав флейту в пальцах, Роун поднес ее к губам, и в утреннем тумане разнеслись мелодичные трели песни, которую часто пели в Негасимом Свете. Перед глазами его, как живой, встал утраченный навеки мир, и когда он закончил играть, ему трудно было смотреть на Лампи.

– Продолжай, – мягко попросил его друг.

Роун сыграл все мелодии Негасимого Света, сохранившиеся в памяти, все напевы, которые он так часто слышал ребенком, а потом играл их переделанными на другой лад детям Нового Света. Первой его попросила об этом Лона. Она захотела, чтобы он сделал ей флейту, и

скоро он уже мастерил флейту для Баба, а за ним и для всех остальных. Они с Лампи провели много вечеров, вырезая детям флейты – только Джем от нее отказался, потому что хотел барабан. Каждый вечер после ужина они музицировали. Уже через несколько недель их оркестр, состоявший лишь из флейт, играл просто замечательно. Но это и неудивительно – ведь дети были совершенно незаурядными.

Лишь мельком взглянув в затуманенные глаза Лампи, Роун понял, какие воспоминания пробудила в нем эта музыка.

* * *

Роун играл не переставая несколько часов, но прожорливые растения и не думали удаляться от островка. Совсем наоборот.

– Хорошая новость заключается в том, что онемение в руке у меня прошло, – сказал Лампи. – А плохая – стеблям понравилась твоя игра. Смотри, сколько их здесь скопилось!

Роун увидел внизу массу тянувшихся к ним усиков.

– Ноги подними повыше! – крикнул он другу.

Растения уже подобрались к самому дереву, и Роун почувствовал, будто почти невидимая пыльца развеялась у него перед лицом.

– Чувствуешь?

– Что?

– Что-то такое... Я сам толком не понял, – Роун попытался стряхнуть охватившее его одурение.

– Ты уверен, что это не ловушка? Не могли ли, например, Обращенные послать тебе тогда образ этого мальчика, чтобы завлечь нас сюда?

– Нет. Раньше я всегда чувствовал, когда они хотели сыграть со мной злую шутку. В этот раз все было не так. – Роун протянул ему флейту. – Теперь твоя очередь. По крайней мере, музыка держит их на достаточном расстоянии.

– Я постараюсь, только знаешь... ты же слышал, как я играю. Совсем не хочется их разозлить.

– Мне нужно отдохнуть, у меня уже пальцы болят. Сыграй песню Джо, – сказал ему Роун, передавая инструмент.

Лампи вздохнул и заиграл мелодию, которую они сочинили вместе с Джо. На самом деле он только ее и знал, потому что часто играл со своим маленьким другом. Он закрыл глаза, вспоминая лучшие времена и наигрывая ее снова и снова.

Напор растений поутих. Стебли сплетались и покачивались. Бордовые усики завораживающе развеивались по ветру в усыпляющем ритме, ритме смерти. Стоило Лампи остановиться, как стебли тут же становились агрессивными, выпуская на них облака расслабляющей пыльцы. Скоро Лампи тоже выбился из сил и обменялся с Роуном красноречивым взглядом – им было ясно, что через пару часов они станут добычей прожорливых растений.

И тут по болоту эхом прокатился странный глухой звук, чем-то напоминавший крик дикой птицы. Он был таким жутким и зловещим, будто предрекал им гибель.

– Что это?

Роун подал Лампи знак сохранять спокойствие. Потом резко замедлил дыхание, чтобы отогнать страх и обрести внутреннее равновесие. Когда разум его совершенно очистился, он потянулся за мечом-секачом.

– Роун! – прошептал Лампи, но друг его уже спустился с дерева.

– Возьми мешки и спускайся за мной.

Усики на стеблях опали, но Роун внимательно следил за их конфигурацией, чем-то напоминавшей оживший гобелен. Он был готов отразить любое нападение растений, безжалостно срезая их усатые головки, чтобы освободить путь к воде.

– Смотри! – воскликнул Лампи, и Роун замер.

Стебли начали расступаться в стороны. К ним приближалась узкая, низко сидевшая на воде лодка. К ее носу был прикреплен ящичек, из которого валил густой дым, который, видимо, не переносили стебли. Роун почувствовал большое облегчение, осознав, что бороться с растениями можно не только мечом. Когда гребец подплыл совсем близко, Роун разглядел его лицо.

– Залезайте в лодку, – сказал мальчик.

ИДЕАЛЬНЫЕ ТЕЛО И РАЗУМ

*ОХ, ДО ЧЕГО ЖЕ ХОРОШО ЛЕКАРЕМ БЫТЬ В ГОРОДЕ
– УВАЖЕНИЕМ ОКРУЖЕН, БУДЕШЬ ЕСТЬ НА ЗОЛОТЕ. ЧТОБ
ХРАНИТЬ ВЛАДЫК ЗДОРОВЬЕ, НУЖНО ОЧЕНЬ ХРАБРЫМ БЫТЬ.
ВЕДЬ ОДНО НЕ ТО ДВИЖЕНИЕ – И ТЕБЕ УЖЕ НЕ ЖИТЬ.
ПРЕДАНИЯ СКАЗИТЕЛЕЙ*

От каждой части тела Стоув отходили провода. Каждый из них был соединен с аппаратами, над которыми с озабоченным видом склонялись техники, внимательно следившие за показаниями приборов. Доктор Аркантас часами исследовал ее состояние – сканировал и контролировал деятельность жизненно важных органов, вводил в нее разные датчики и снимал их показатели.

– Мне нужно встретиться с Дарием.

От властного тона, которым выдвинула это требование Стоув, врач вскинул брови.

– Что, прости?

Стоув неприязненно посмотрела на него.

– Мне нужно поговорить с Дарием.

На лице доктора отразилась озабоченность, одна щека стала дергаться от нервного тика.

– Я передал ему твое сообщение, как ты просила, час назад, и передавал их каждый час до этого.

– Сделай еще раз, – сердито приказала девочка.

Доктор Аркантас оцепенел, как и трое его помощников, склонившихся над медицинскими приборами. Они не могли покинуть рабочие места, но было ясно без слов, что в тот момент мечтали быть где угодно, только не рядом с девочкой. Их охватывал дикий страх и оторопь при мысли о том, что она могла с ними сделать, если разгневается.

Все в порядке, решила она и улыбнулась.

– Пока он не придет, мы подождем.

Доктор Аркантас в низком поклоне пяtilся к двери, пока она за ним не закрылась. Трое техников в оцепенении стояли у своих приборов. Стоув тут же о них забыла, сосредоточившись на осмыслении своего нынешнего положения. После занятий с Корданом в Краю Видений настроение у нее было замечательное. Она успешно прошла все испытания и была уверена, что Дарий обязательно захочет с ней встретиться. Но он ей отказал. Потом, когда она проснулась сегодня утром, ей сказали, что Старейший направляет ее на медицинское обследование. Она тут же пошла к нему поговорить, в надежде объясниться, но двери его оказались для нее закрытыми. Почти три года она могла видеть его в любое время – и днем и ночью. А теперь из-за этого единственного незначительного случая «неподобающего» поведения он стал относиться к ней исключительно как к объекту исследований. Или он решил так ее наказать? Сколько же это наказание будет длиться? Как же трудно сдерживать желание покинуть тело, чтобы получить ответы на эти вопросы! Но если Виллум хотя бы намекнул Дарию на ее «сон», тот вполне мог заподозрить, что у нее возникла эта новая способность. Вполне возможно, что один из этих аппаратов специально проверяет ее, чтобы выявить возможности ее астрального тела, поэтому ей все время надо быть начеку.

Последние несколько ночей ей снились обычные сны, в которых она постоянно видела Роуна. В этих снах глаза у него были как кристаллы, и, заглядывая в них, она видела огромные железные ворота, перекрывающие путь в бездну. На засовах ворот она видит глаза, они раскрываются и смотрят на нее. Ей кажется, что открывается рот, губы двигаются, чтобы сказать

ей что-то, передать какое-то сообщение, но она не может ничего понять. Она просыпалась в холодном поту, в безысходности и сомнениях.

Не надо было ничего говорить Виллуму о Вороне. Слишком много она ему рассказала. И зачем сотворила такое с клириками? Какая глупость! Чтобы от нее защититься, Виллум окружил себя тогда аурой... а она никогда не видела такую ауру нигде, кроме Края Видений. Внезапно Стоув ясно поняла, что не имеет никакого представления о том, насколько далеко простирается могущество Владык. Если на такое способен ее самый низший учитель, что же тогда могли остальные? И тем не менее, по словам Виллума, Дарий подключил к ней все эти провода и проводит всевозможные испытания, чтобы выяснить, не превышают ли ее силы могущество их самих.

Врач вернулся, но в сопровождении Виллума, а не Дария, которого она ждала. Бесстрастное выражение лица учителя служило лучшим свидетельством того, что он чем-то недоволен.

Какое-то время Виллум, казалось, стоял в нерешительности, давая взглядом понять, чтобы она держала язык за зубами, потом обратился к врачу:

– Сообщите нам, пожалуйста, о результатах обследования. Поверните экран просмотра так, чтобы его могла видеть Наша Стоув, и давай объяснения с предельной точностью.

Доктор в ярости кивнул помощнику, который сорвался с места и подвинул экран совсем близко к койке Стоув. На экране мельтешили колонки цифр.

– Здесь представлены результаты деятельности всех твоих систем жизнеобеспечения – дыхательной, кровообращения, нервной, пищеварительной, эндокринной, выделительной, иммунной, лимфатической, мышечной, скелетной, твоих тканей и органов.

– И что? – спросила она.

Врач продолжал раскрывать рот, но звуков при этом не издавал, как будто не мог найти нужные слова.

– Отвечай, пожалуйста, доктор Аркантас, – подгонял его Виллум.

– Ты представляешь собой совершенный человеческий организм. Более чем совершенный. Все системы функционируют на самом высоком уровне. Теперь я с физиологической точки зрения понимаю, почему Нашу Стоув настолько высоко превозносят. Ты лучше всех нас.

– Значит, она вполне готова к тому, чтобы перейти к следующей стадии подготовки, – произнес Виллум. – Если ты освободишь ее от проводов, мы сможем начать.

* * *

Когда они вошли в Зал Путешествий, Стоув уже вполне расслабилась. Дарий хотел убедиться лишь в том, что тело ее обладает достаточной силой, чтобы отправиться в путь, который он ей уготовил. Он проявил и практичность, и отцовскую заботу. Значит ли это, что он на нее больше не злится?

Виллум, как ей показалось, хотел уже было на нее «нажать», но Стоув это даже иногда нравилось. Девочку всегда поражали истинные пределы ее возможностей. И все же с ним ей трудно было все время сдерживать свои порывы. Она не считала, что он представляет для нее какую-то опасность, хоть и не могла точно ответить себе на вопрос – почему? Это уже само по себе должно было ее настораживать. Интересно, как много из того, что она ему рассказывала, он успел передать Дарию? Виллум сунул руку в карман и вынул небольшой бархатный мешочек.

– Сегодня мы будем с тобой работать над изменением структуры твоего тела в Краю Видений.

Услышав это, Стоув улыбнулась.

– Звучит интригующе.

– Ты знаешь, что присущая тебе ныне форма – временная, что-то вроде промежуточного тела. Но ею можно управлять так, чтобы она служила тебе для разных целей. Например, в качестве формы защиты.

– Как доспехи?

– Именно так. Ты выбираешь тип вещества, и при должной степени концентрации оно может сменить твою нынешнюю глиняную форму.

– Как же я могу это сделать?

Виллум протянул ей бархатный мешочек. Стоув перевернула его, и содержимое мешочка выпало ей в ладонь – это был блестящий всеми цветами радуги бриллиант величиной с первую фалангу большого пальца девочки.

– Смотри на него очень внимательно. Вглядывайся в каждую грань. Ощути его вес. Ты должна впитать сущность этого бриллианта в сознание.

Стоув положила камень между ладонями и стала его катать. Потом сжала его большим и указательным пальцами, села на стеклянный стул для путешествий и поднесла его к глазу. Она погрузилась в свет, отражавшийся от каждой грани камня. Дыхание ее замедлилось, взгляд застыл, вся ее сущность слилась воедино с бриллиантом. Она забыла о времени и о том, где находилась. Все ее внимание было целиком сосредоточено на драгоценности, которую она держала в руках.

Сначала она не столько услышала, сколько почувствовала пальцами почти неслышный звук, который постепенно усилился и превратился в негромкий гул. Она вслушивалась в него, позволяя этому гулу проникнуть в каждый свой орган, каждую косточку, в позвоночник, пока все ее существо не стало наполнено этой текучей, струящейся вибрацией. Когда он проник в каждую клеточку ее тела, он впитала в себя природу и суть кристалла. Тогда девочка открыла глаза и вернула Виллumu бриллиант.

– Больше он мне не понадобится.

Учитель одобрительно кивнул.

– Когда ты окажешься в Краю Видений, тебе надо будет только вспомнить его отзвук, и качества алмаза проявятся сами. Этот процесс будет болезненным, но, если ты не дрогнешь, в успехе можно не сомневаться. Имей в виду, что другого пути справиться со стоящей перед тобой задачей нет.

Дверь распахнулась, и раздался скрипучий голос, который словно отравил в помещении воздух.

– Настало время начинать. Ты уже потратила на это чуть не весь день. Теперь посмотрим, не прошло ли для тебя это время даром. – Кордан снял серебряную крышечку с коробочки со снадобьем. – Ты сегодня к нам присоединишься, Виллум? – Он осклабил, протянув Виллumu коробочку. – Озабочен, пошел ли ей впрок твой урок?

Не обратив внимания на его подколку, Виллум взял чуть-чуть снадобья и невозмутимо устроился на стуле. Кордан тоже принял щепотку снадобья, потом повернулся спиной к Виллumu, загородив от него Стоув, и быстро протянул ей полную чайную ложку лилового вещества. Она с радостью его проглотила и открыла рот, чтоб он дал ей добавку. Тот с готовностью это сделал.

ВОЛНЫ ПЛЕЩУТ О ПЕСЧАНЫЙ БЕРЕГ ОСТРОВА. НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ В ЛИГЕ ОТ НЕГО ИЗ МОРЯ ВЗДЫМАЮТСЯ СВОДЧАТЫЕ СТОЛПЫ БАСТИОНА – ПЕРВОГО ИЗ ШЕСТИ СТРОЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ НЕПРЕОДОЛИМЫЙ БАРЬЕР, ОТДЕЛЯЮЩИЙ ИХ ВОСТОЧНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОТ ВЛАДЕНИЙ ЛОВЦОВ ВИДЕНИЙ.

НА ТЕРРАКОТОВОЕ ПЛЕЧО СТОУВ САДИТСЯ СОКОЛ И ШЕПЧЕТ ЕЙ НА УХО: «НАЧИНАЙ ПРОЦЕСС ПРЯМО ТЕПЕРЬ».

СТОУВ ВСПОМИНАЕТ ЗВУК БРИЛЛИАНТА И ВНИМАТЕЛЬНО В НЕГО ВСЛУШИВАЕТСЯ, БУДТО РАЗДУВАЯ ИЗ ИСКОРКИ МАЛЕНЬКИЙ ОГОНЕК, ПОЗВОЛЯЯ ЕМУ РАЗГОРАТЬСЯ И РАЗРАСТАТЬСЯ В НЕЙ, ПРЕВРАЩАЯСЬ В ПЛАМЯ, НАПРАВЛЯЯ ЕГО ВИБРАЦИЮ. ЖУТКАЯ БОЛЬ ПРОНИЗЫВАЕТ ЕЕ СТУПНИ, КОГДА ИЗ ГЛИНЯНЫХ ОНИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В БРИЛЛИАНТОВЫЕ. ОНА ГРОМКО КРИЧИТ, И ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРЕРЫВАЕТСЯ.

НАД НЕЙ НАВИСАЕТ ОГРОМНЫЙ СТЕРВЯТНИК. «ВОТ ВИДИШЬ! ОНА НЕ МОЖЕТ С ЭТИМ СПРАВИТЬСЯ», – С ИЗДЕВКОЙ ПРОИЗНОСИТ КОРДАН.

СОКОЛ ВИЛЛУМ МЯГКО ЕЕ ПОДБАДРИВАЕТ: «ДАВАЙ-ДАВАЙ, СОВСЕМ ПОНЕМНОЖКУ... ЗАСТАВЬ БОЛЬ РАБОТАТЬ НА ТЕБЯ. СДЕЛАЙ ТАК, ЧТОБЫ БОЛЬ ПОМОГАЛА ТЕБЕ МЕНЯТЬСЯ».

ОНА ВНОВЬ ВСПОМИНАЕТ ТОТ ЗВУК, И, КОГДА СЛЫШИТ ЕГО, ТРАНСФОРМИРУЮТСЯ ЕЕ ЩИКОЛОТКИ, ИКРЫ И КОЛЕНКИ. ОНА ЧУТЬ СГИБАЕТ ЛЕВУЮ НОГУ – И ВЗРЫВ АДСКОЙ БОЛИ ЗАСТАВЛЯЕТ ЕЕ КОРЧИТЬСЯ НА ПЕСКЕ. «ЭТО ЖЕ ПРОСТО СМЕШНО!» – БОРМОЧЕТ СТЕРВЯТНИК, ГЛУМЛИВО МИГАЯ ЧЕРНЫМ ГЛАЗОМ.

НО СОКОЛ НЕ ОТПУСКАЕТ ЕЕ ПЛЕЧО, ПРОДОЛЖАЕТ НАШЕПТЫВАТЬ, ЧТО С БОЛЬЮ НАДО БОРОТЬСЯ, ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЕЕ КАК ДВИЖУЩУЮ СИЛУ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ.

ДИКАЯ БОЛЬ СНОВА ПРОНЗАЕТ ТЕЛО, КОГДА БРИЛЛИАНТОВОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОХВАТЫВАЕТ ЕЕ НОГИ ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ. КОГДА ОНА ДОСТИГАЕТ БЕДЕР, ВИЛЛУМ ПРИКАЗЫВАЕТ ОСТАНОВИТЬСЯ.

«ХОРОШО, НА СЕГОДНЯ ДОСТАТОЧНО».

У СТОУВ ВЫРЫВАЕТСЯ ВЗДОХ ОБЛЕГЧЕНИЯ, БОЛЬ ПОНЕМНОГУ СТИХАЕТ, И ОНА СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ НА СТОЯЩЕЙ ПЕРЕД НЕЙ ЗАДАЧЕ.

«ПОСМОТРИМ, СМОЖЕТ ЛИ ОНА СОХРАНИТЬ ТРАНСФОРМАЦИЮ НОГ, КОГДА ВСТАНЕТ», – ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНО ГОВОРИТ СТЕРВЯТНИК И БРОСАЕТСЯ ВНИЗ, ДЕРЖА КУРС НА БАСТИОН.

«НЕ ЗАБЫВАЙ, ЧТО ТЫ ЗАЩИЩЕНА ЛИШЬ ЧАСТИЧНО. ЕСЛИ РЕШИШЬ ОБОРОНЯТЬСЯ РУКАМИ, МОЖЕШЬ ИХ ПОТЕРЯТЬ», – ПРЕДУПРЕЖДАЕТ ЕЕ ВИЛЛУМ И, НЫРНУВ, УСТРЕМЛЯЕТСЯ К ОСТРОВУ.

БЫСТРО НАБИРАЯ СКОРОСТЬ, ОНА ВСПОМИНАЕТ ВСЕ, ЧТО ЕЙ ИЗВЕСТНО О БАСТИОНЕ. ИМЕННО НА ЭТОЙ ГРАНИЦЕ ЛОВЦЫ ВИДЕНИЙ КАК-ТО ПОПЫТАЛИСЬ РАСШИРИТЬ СВОИ ВЛАДЕНИЯ. САМИ КОЛОННЫ – ЭТО ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ПРЕДЫДУЩЕГО СТРОЕНИЯ, СОЗДАННОГО ЕЩЕ ДО ОТКРЫТИЯ СНАДОБЬЯ. ДАРИЙ ВТАЙНЕ ИХ ВОССТАНОВИЛ, СОЗДАВ НЕПРЕОДОЛИМУЮ ПРЕГРАДУ, ОТКИНУВШУЮ ЛОВЦОВ ВИДЕНИЙ НАЗАД И ПРЕДОТВРАЩАЮЩУЮ ИХ НОВЫЕ ВТОРЖЕНИЯ.

СТОУВ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ ТАК, ЧТО МЕЖДУ КОЛОННАМИ СНАЧАЛА ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ ЕЕ АЛМАЗНЫЕ НОГИ. СО СТОЛБОВ В НЕЕ УСТРЕМЛЯЮТСЯ ЖУТКИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ШИПЫ, НО ОТ СОКРУШИТЕЛЬНОЙ СЕРИИ УДАРОВ ЕЕ КРИСТАЛЛИЧЕСКИХ НОГ ОНИ РАСПАДАЮТСЯ В ПРАХ. ЧЕМ БОЛЬШЕ ШИПОВ ОНА УНИЧТОЖАЕТ, ТЕМ С БОЛЬШЕЙ СКОРОСТЬЮ В НЕЕ ЛЕТЯТ СЛЕДУЮЩИЕ, И ТАК ПРОДОЛЖАЕТСЯ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ОНА В ВИХРЕ ДВИЖЕНИЯ НЕ ПЛАВИТ ВЕСЬ ЛЕТАЮЩИЙ В НЕЕ МЕТАЛЛ.

ЦЕЛИКОМ ПОГЛОЩЕННАЯ ЭТОЙ ОРГИЕЙ РАЗРУШЕНИЯ, ОНА ЛИШЬ В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ ОБРАЩАЕТ ВНИМАНИЕ НА ХРИПЛЫЙ КРИК СТЕРВЯТНИКА. ТОГДА ОНА ДЕЛАЕТ КУВЫРОК НАЗАД И УСТРЕМЛЯЕТСЯ ОБРАТНО К ОЖИДАЮЩИМ ЕЕ НАСТАВНИКАМ.

«СОВСЕМ НЕПЛОХО», – ГОВОРИТ ВИЛЛУМ. В ГОЛОСЕ ЕГО ЯВСТВЕННО СЛЫШИТСЯ ГОРДОСТЬ ЗА ВОСПИТАННИЦУ.

«В ПОЛНОМ ОСНАЩЕНИИ ЗАЩИТОЙ СДЕЛАТЬ ЭТО БУДЕТ СЛОЖНЕЕ. ПОСМОТРИМ, КАК ТЫ СПРАВИШЬСЯ С ЗАДАЧЕЙ ЗАВТРА», – СУХО БРОСАЕТ КОРДАН.

Стоув встала со стеклянного стула и взглянула на двух своих инструкторов:

– К какому заданию меня готовят?

Виллум молчал. Кордан ухмыльнулся, в голосе его прозвучал слабый намек на подоби-
страшие.

– Тебе уже говорили, что только Дарий может обсуждать с тобой этот вопрос. Дарий
сделает это, когда сочтет необходимым.

Кордон явно хотел ее спровоцировать, но она не собиралась нарываться на неприятности,
особенно из-за него. Все будет, как она решила, только надо набраться терпения.

Как же она ненавидела это терпение!

МАБАТАН

*ОДНАЖДЫ ДРУГ, ГЛАСИТ ПРЕДАНЬЕ,
ПРОРОКУ ВЫДАЛ УКАЗАНИЕ —
ПОКИНУТЬ ЭТОТ МИР.
ЕЩЕ СКАЗАЛ НАШ ДРУГ СВЯТОМУ,
ЧТОБЫ ОСТАВИЛ ОН ДРУГОМУ
ТОТ ПУТЬ, ЧТО ОН ТОРИЛ.
СВЯТОЙ ДАЛ ВОЛКУ ПОРУЧЕНИЕ
ХРАНИТЬ И ПРОДОЛЖАТЬ ДВИЖЕНИЕ
СТЕЗЕЙ, КОТОРОЙ ШЕЛ КУМИР.
ИСТОРИЯ ДРУГА В ИЗЛОЖЕНИИ ОРИНА*

По сигналу Роуна Лампи бросил в лодку рюкзаки, потом аккуратно шагнул в нее сам, следя, чтобы утлое суденышко не опрокинулось. Опустившись на сиденье, Лампи повернулся к мальчику.

– Может показаться, что я больной, но на самом деле лесных клещей у меня нет.

Мальчик посмотрел на него с удивлением.

– То есть я хочу сказать, они были, а теперь их нет.

Мальчик пожал плечами с таким видом, будто его это совершенно не волновало. Лампи улыбнулся.

– Меня, между прочим, зовут Лампи. А это – Роун.

Роун оттолкнул лодку от берега. С мечом-секачом в руке, он сидел напряженно, стараясь поменьше вдыхать едкого дыма.

– Меня зовут Мабатан. Мы с вами будем плыть до захода солнца.

Будто подчинившись какому-то неслышному приказу, мальчик развернул лодку, умело маневрируя в узких проливах между растениями. Он греб, и Роун восхищался тем, как умело была сделана лодка. Она была обшита тонкими полосками коры, закрепленными на деревянной раме, и потому прекрасно держалась на воде, сидела высоко – именно то, что надо для болота. Он провел пальцами по гладким краям бортов и пристально посмотрел на мальчика. Конечно, именно этот ребенок являлся ему в видении, но он был, по всей видимости, моложе, чем сначала показалось Роуну. Пареньку от силы можно было дать лет одиннадцать-двенадцать. Его длинные темные волосы были перехвачены сзади в хвостик, одет он был в коричневые штаны и тканую рубаху из грубоватой материи. Но греб он сильнее и более плавно, чем это делал бы подросток его возраста. Он, должно быть, сам о себе заботится, подумалось Роуну.

Оставив позади воды, кишевшие хищными стеблями, они выбрались на чистую поверхность болота, радуясь теплым утренним солнечным лучам. Роун подставил лицо солнцу, и ему захотелось поближе познакомиться с их новым спутником.

– Как ты нас нашел?

– Меня привели к вам скри.

– Так называются эти растения? – спросил Лампи.

– Это не растения. Это скри.

– Сколько времени скри живут уже в этом болоте?

– Они были здесь еще до моего отца, – ответил мальчик. – Но тогда они были меньше.

Тогда они только начинали пробуждаться.

Роун взглянул на мальчонку.

– Это что – разумные существа?

Мальчик кивнул.

Понурился, Роун прошептал:

– Я их убивал десятками.
– Откуда тебе было знать, что они умеют думать? – спросил Лампи.
– Ты не убил ни одного скри. То, что ты срезал, отрастет вновь.
– Слава богу, – вздохнул Лампи с едва скрытым сарказмом.
– Знаешь, твой друг завоевал их уважение.
– Тем, что срезал им головы?
– Тем, что сумел очистить разум. По-другому на скри напасть невозможно. Скри влекут к себе мысли.

– С особой силой их, должно быть, влечет глубокомыслие лягушек, – пробурчал Лампи.
– Лягушки их вообще не привлекают. Они собирают их урожай. Но им больше по нраву дичь покрупнее. Особенно с сильным запахом, как у вас. Чтобы вас выследить, вполне хватило бы вони драконьей травы.

Лампи рассмеялся.

– У тебя есть запасное весло?
– Вам надо отдохнуть. Вы совсем не спали, а путь нам еще предстоит долгий.
– Может, мы вымоемся? – сказал Лампи. – Не хочется испытывать терпение еще каких-нибудь созданий, дожидających позднего обеда.

Он достал из рюкзака фасоль и предложил Роуну с Мабатаном.

Мальчик понюхал еду.

– Неплохо, – одобрил он и принялся жевать. Потом снял со стоявшей в ногах корзины крышку, там внутри лежала дюжина небольших обугленных продолговатых катышков. – Угощайтесь.

Лампи взял один и внимательно его осмотрел.

– Это личинки? – спросил он.

Роун, никогда не разделявший пристрастия Лампи ко всяким жукам, очень надеялся, что у этой еды нет лапок и она не шевелится во рту.

– Нет, яйца, – ответил Мабатан.

Лампи передал яйцо Роуну, и тот с удовольствием сунул его в рот и, почти не разжевывая, проглотил.

– Это лучше, чем червяки с гусеницами, – сказал он.

Лампи тоже умял несколько яиц за милую душу. Утолив голод, друзья уснули, убаюканные отблесками полуденного солнца на водной глади.

* * *

Проснулись они от того, что лодка уткнулась носом в берег. К их удивлению, солнце уже скрылось за горизонтом, и местность вокруг окутала зеленоватая дымка спускавшихся сумерек.

Лампи подозрительно посмотрел на Мабатана.

– В этих яйцах ничего такого не было?

– Нет, яйца как яйца. Это скри так на вас повлияли, они всех выматывают. Все из-за их пыльцы.

– Я так и думал, – сказал Роун, выбираясь из лодки и осторожно вставая на покрытый мхом утес – Только я так и не понял, что же это было.

– Тебе и не надо это понимать.

Лампи взглянул на Роуна и улыбнулся.

– Надо же, он понятия не имеет, что это такое, зато знает, о чем они думают.

Мабатан улыбнулся:

– «Он»?

– Лампи имеет в виду тебя, – пояснил Роун.

Мабатан рассмеялся так звонко, будто колокольчик зазвенел.

Роун с Лампи присмотрелись к Мабатану повнимательнее...

– Ты – девочка! – воскликнул Лампи.

– Я – девушка.

С довольной улыбкой, она вытащила лодку на берег.

Будто не вполне ей веря, Лампи нагнулся поближе к девушке, потом, вытупив от удивления глаза, обернулся к Роуну и воскликнул:

– Смотри!

На плечах Мабатан сидели оба их сверчка, причем вид у них был очень довольный.

– Невероятно, – сказал Роун с трепетным почтением в голосе. Его сверчок почти никогда не шел к другим людям, и он был уверен, что сверчок Лампи – тоже.

– Они сказали мне, что очень вас любят, – проговорила Мабатан. – Это здорово. – Внезапно взгляд ее опечалился. – Я видела малышей.

– Маленьких сверчков? – не понял Лампи.

– Детей, – ответила она.

– В Новом Свете? – еле сдерживая волнение, спросил Роун.

– Там остались только их тела.

– Как это? – воскликнул Лампи.

– Да, объясни, пожалуйста, – попросил Роун.

– Я не только могу объяснить тебе это, Роун, я могу тебя взять к ним с собой.

– Они что – с Обращенными? В Краю Видений?

– Они не там, куда могут попасть те, кто принимает снадобье.

Она сказала Роуну гораздо больше того, на что он мог рассчитывать. Но радость омрачало подозрение: можно ли верить ее словам?

Будто прочитав его мысли, Лампи уставился на сидевших на плечах девушки сверчков.

– Сверчки ни за что бы к ней не пошли, если бы ей нельзя было верить.

– Я лишь проводник. И больше никто.

– С меня вполне хватит и этого, – улыбнулся Роун.

– Я бы тоже с вами пошел, если б мог, – печально сказал Лампи.

– В любом случае, нам нужно, чтобы ты остался здесь, – сказала девушка. – Кому-то надо же присматривать за нашими телесными оболочками.

– Да я с места тогда не сдвинусь!

– Вот и хорошо. Спасибо тебе, Лампи. – Широко улыбнулась Мабатан, и, повернувшись к Роуну, сказала совсем другим тоном: – Нам нужно поторапливаться.

* * *

Мабатан провела их к роще огромных древних красных кедров и перед одним из мощных гигантов опустилась на покрытую мхом землю.

Лампи оглядывался с восхищенным удивлением.

– Им, небось, лет по пятьсот...

– Они старше, – откликнулась Мабатан.

Какое-то время Роун с Лампи неподвижно стояли, любясь величественными деревьями, вдыхая их удивительный запах.

– Мне кажется, это место какое-то особенное, – сказал Роун.

– Да, это чувствуется. Точно. Это место земли, – заметила Мабатан. – Особенное место.

Из висевшего у нее на шее небольшого кожаного мешочка она достала большим и указательным пальцами серебряную иглу. Роун склонился, чтобы лучше ее рассмотреть. Малюсенькие выгравированные символы запечатлелись у него в памяти.

– Что обозначают эти символы?

– Это очень древний язык. Здесь написано, что земля помнит.

– Что помнит?

– Она помнит все.

– А почему это написано на игле? – спросил Лампи.

– Она указывает путь. Ты готов?

– Да... где твое снадобье?

Глаза Мабатан потемнели, и она с презрением сплюнула.

– Я не принимаю снадобье. Я следую зову.

Роун до сих пор не встречал никого, кто мог бы попасть в Край Видений без снадобья. Он как зачарованный следил за Мабатан. Девушка воткнула иглу в выступавший из земли корень огромного дерева. Опустившись на колени, она склонилась к нему и коснулась лбом коры – как будто просила о каком-то благодеянии. Потом отстранилась от дерева и слегка коснулась пальцем кончика воткнутой в его корень иглы. В тишине до них донесся негромкий, но отчетливый звук. Он будто пронизывал все насквозь, отдаваясь эхом в голове Роуна, проходя сквозь его тело, которое начинало постепенно резонировать, звенеть, вибрировать в такт этому звуку. Подобного ощущения он не испытывал никогда в жизни. Внезапно отраженный в нем звук вырвался у него из груди обжигающим жаром, превратив его в ослепительный пучок света.

ОБУГЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ ПРОСТИРАЕТСЯ ДО САМОГО ГОРИЗОНТА. ПЫЛЬ, ШЕБЕНКА, ОГРОМНЫЕ ВАЛУНЫ – ВСЕ ЧЕРНЫМ-ЧЕРНО. РОУН МОРГАЕТ, ГЛЯДЯ В ТЕМНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ПЫТАЕТСЯ ПОВЕРНУТЬ ГОЛОВУ, НО НЕ МОЖЕТ. ОН ВООБЩЕ ОБЕЗДВИЖЕН. КАЖЕТСЯ, ЧТО ОН САМ СТАЛ ОДНИМ ИЗ ОГРОМНЫХ ВАЛУНОВ. ПЕРЕД НИМ ПРЫГАЕТ ПОДЖАРЫЙ КРОЛИК С ЛАЗУРНЫМ МЕХОМ, КОНЧИК ЕГО НОСА ПОДРАГИВАЕТ.

«КАК МНЕ ОТСЮДА ВЫБРАТЬСЯ?»

«РАЗВЕ ПАПА ТЕБЯ ЭТОМУ НЕ НАУЧИЛ?»

«НЕТ».

«А МАМА?»

«НИКТО ИЗ НИХ ДО САМОЙ СМЕРТИ МНЕ ОБ ЭТОМ НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЛ».

«НО ТЫ ВЕДЬ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТЫ НЕ МЕНЯЕШЬСЯ НИКОГДА И ВСЕГДА МЕНЯЕШЬСЯ, ВЕДЬ ТАК?»

«НО ЛОВЦЫ ВИДЕНИЙ СКАЗАЛИ МНЕ, ЧТО Я ДОЛЖЕН ТРАНСФОРМИРОВАТЬСЯ, ПОКА НЕ ОБРЕТУ СВОЮ ФОРМУ В КРАЮ ВИДЕНИЙ».

«И ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТЕБЕ ДЕЛАТЬ?»

«НЕТ, НЕ ЗНАЮ».

«Я ПОДОЖДУ».

ПОКА КРОЛИК ОБЪЕДАЕТ ЧАХЛУЮ ТРАВУ, РОУН ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА И ПЫТАЕТСЯ СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ, СТРЕМЯСЬ НАЙТИ СВОЮ ФОРМУ В ТВЕРДОМ КАМНЕ И ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ЕГО ПЛЕНА. ОН ЧУВСТВУЕТ СВОИ УСИЛИЯ, ОЩУЩАЕТ СВОЕ НАПРЯЖЕНИЕ, НО ВСЕ БЕСПОЛЕЗНО. ОН ХОЧЕТ ОТКРЫТЬ ГЛАЗА, НО НЕ МОЖЕТ. ПОТОМУ ЧТО ГЛАЗ У НЕГО БОЛЬШЕ НЕТ.

ОН СЛЕП И ЗАТОЧЕН В КАМНЕ. ПРЕКРАСНО. ПОЧЕМУ ЖЕ ТАК ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО КАЖДЫЙ ШАГ ВПЕРЕД ОТБРАСЫВАЕТ ЕГО НА ДЕСЯТЬ ШАГОВ НАЗАД?

РОУН ПЫТАЕТСЯ ПОДОЙТИ К ПРОБЛЕМЕ ТАК, КАК К НЕЙ ОТНЕССЯ БЫ ЛАМПИ: СНАЧАЛА ОТМОЧИЛ БЫ КАКУЮ-НИБУДЬ ШУТКУ, ПОТОМ ПОПЫТАЛСЯ ПОНЯТЬ СУТЬ ПРОБЛЕМЫ И ОСМЫСЛИТЬ ВСЮ ИМЕЮЩУЮСЯ В ЕГО РАСПОРЯЖЕНИИ ИНФОРМАЦИЮ. И В ИТОГЕ У НЕГО СОЗРЕЛ БЫ ПЛАН ДЕЙСТВИЙ.

ПРАВИЛЬНО. ОТЛИЧНО. НО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЭТО НЕ ШУТКА. ВО-ВТОРЫХ, РОУН НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ ПОНЯТЬ. А ИНФОРМАЦИЯ? С МАБАТАН ВСЕ НЕПОЯТНО. ИЗВЕСТНО, ЧТО ОНА НЕ ОБРАЩЕННАЯ И НЕ ЛОВЕЦ ВИДЕНИЙ, ОНА ЕГО НИКУДА НЕ ЗАМАНИВАЛА – ОН ЗНАЕТ ЭТО, ОН ЭТО ЧУВСТВУЕТ. А ПЛАН МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ОДИН – НАЙТИ ВЫХОД ИЗ ЛОВУШКИ, В КОТОРУЮ ЕГО ЗАМАНИЛИ.

ОН СОСРЕДОТАЧИВАЕТ ВСЕ МЫСЛИ НА ПОВЕРХНОСТИ КАМНЯ, ИЗУЧАЕТ ЕГО, НАДАВЛИВАЕТ НА НЕГО, НАЛЕГАЕТ, ТОЛКАЕТ, ИСПОЛЬЗУЯ ВСЮ СИЛУ МЫСЛИ. БОЛЬ РВЕТ ЕГО НА ЧАСТИ, БУДТО ОН КОЖУ С СЕБЯ СДИРАЕТ.

СВОЮ КОЖУ, СОБСТВЕННУЮ. А МОЖЕТ ТАК БЫТЬ, ЧТО ЕГО НЕ ЗАМУРОВАЛИ В КАМЕНЬ, А САМ ОН И ЕСТЬ КАМЕНЬ? КОТОРЫЙ НЕ МЕНЯЕТСЯ НИКОГДА И ВСЕГДА МЕНЯЕТСЯ. РОУН СНОВА КОНЦЕНТРИРУЕТСЯ, ОЩУЩАЯ ДРЕВНЮЮ МАССИВНОСТЬ СВОЕЙ ФОРМЫ. НЕВОЗМУТИМОСТЬ. ШЕРОХОВАТОСТЬ. МОНОЛИТНОСТЬ. ВСЕ ЕГО СУЩЕСТВО СТАЛО КАМНЕМ. СПОКОЙНЫМ, НЕСПЕШНЫМ, УВЕРЕННЫМ В СЕБЕ, ТАКИМ,

КАКИМ ОН СЕБЯ ОЩУЩАЕТ. ЧТО ЕЩЕ ОН МОЖЕТ ЧУВСТВОВАТЬ? КЕМ ОН МОЖЕТ СТАТЬ? РОУН ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО, ЕГО НОГИ, РУКИ, ГОЛОВУ. И В ЭТОТ МИГ КАМЕНЬ ОБРАЩАЕТСЯ В ПЛОТЬ И ПЕРЕСТРАИВАЕТ САМ СЕБЯ. РОУН ВЫТЯГИВАЕТ РУКИ, ШЕВЕЛИТ ПАЛЬЦАМИ. ОН БОЛЬШЕ НЕ КАМЕНЬ, НЕ СКАЛА – ЭТО ЕГО СОБСТВЕННЫЙ ОБЛИК. ОН УЖЕ НЕ ГЛИНЯНЫЙ ИСТУКАН – ЭТО И ЕСТЬ ОН САМ.

КРОЛИК ОТРЫВАЕТСЯ ОТ ТРАВЫ И СМОТРИТ НА НЕГО.

«ВОТ ТЫ И ВОЗНИК».

«В ЭТОЙ ФОРМЕ В КРАЮ ВИДЕНИЙ ЗАКЛЮЧЕНО МОЕ СОБСТВЕННОЕ ТЕЛО?»

«ЭТО НЕ ТВОЕ ТЕЛО. ЭТО – ТО, ВО ЧТО ПРЕВРАТИЛ ТЕБЯ ТВОЙ РАЗУМ».

«А ТЫ ПОЧЕМУ НЕ ОБРЕТАЕШЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЛИЧЬЕ?»

«НЕ МОГУ. Я НЕ ТАКАЯ, КАК ТЫ. ТАКИХ, КАК ТЫ, БОЛЬШЕ НЕТ. ТОЛЬКО ТЫ ЭТО МОЖЕШЬ».

«МОГУ-ЧТО?»

«ТО, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ. ЭТО ОДНО ИЗ ТВОИХ ДАРОВАНИЙ. ПОЙДЕМ».

КРОЛИК ПРЫГАЕТ. ОН ПРЫГАЕТ ТАК БЫСТРО И ДАЛЕКО, ЧТО РОУН ПОЧТИ ТЕРЯЕТ ЕГО ИЗ ВИДА. ОН БЕЖИТ, НО КРОЛИКА ДОГНАТЬ НЕ МОЖЕТ И ВСЕ БОЛЬШЕ ОТСТАЕТ. ОН ДУМАЕТ О КРОЛИКЕ, О ЕГО ГИБКОЙ ФОРМЕ, СИЛЬНЫХ НОГАХ, НЕВЕРОЯТНОЙ ПРЫГУЧЕСТИ. И РОУН ТОЖЕ НАЧИНАЕТ ПРЫГАТЬ, СОРАЗМЕРЯЯ СВОИ ПРЫЖКИ С ПРЫЖКАМИ КРОЛИКА. СКОРО ОН ДОГОНЯЕТ МАБАТАН, КОТОРАЯ ЖДЕТ

ЕГО У ШИРОКОЙ ТРЕЩИНЫ В ЗЕМЛЕ, ПОЧТИ В РОСТ МАБАТАН В ЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЛИКЕ.

«А ЧТО ТАМ ВНИЗУ?»

«ПУСТОТА».

РОУН ИДЕТ, СЛЕДУЯ НЕРОВНЫМ ИЗГИБАМ РАЗЛОМА. ВДАЛИ ОН ВИДИТ БУРЮ. ОНА РАЗРАЗИЛАСЬ НАД ТЕМ, ЧТО ЕМУ СНАЧАЛА КАЖЕТСЯ ЖЕЛЕЗНЫМИ ИЗВАЯНИЯМИ, ЛЕЖАЩИМИ НАД БЕЗДОННОЙ ПРОПАСТЬЮ. ОН ИДЕТ ДАЛЬШЕ, СОПРОТИВЛЯЯСЬ ЗАВЫВАЮЩЕМУ ВЕТРУ И ПОТОКАМ ДОЖДЯ. ОН УЖЕ РАЗЛИЧАЕТ РУКИ ЖЕЛЕЗНЫХ ИСТУКАНОВ, ЦЕПЛЯЮЩИЕСЯ ЗА КРАЙ ТРЕЩИНЫ. ИХ НОГИ ВРЫТЫ В ДРУГОЙ ЕЕ КРАЙ. ГОЛОВА ПЕРВОГО ИСТУКАНА НА МОЩНОЙ ШЕЕ

МЕДЛЕННО ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К НЕМУ. ГУБЫ СТАТУИ РАСПЛЫВАЮТСЯ В ПРИВЕТЛИВОЙ УЛЫБКЕ. ЭТО – ЛОНА.

«МЫ ЗНАЛИ, ЧТО ТЫ ПРИДЕШЬ».

«ВЫ ВСЕ ЗДЕСЬ?»

«ВСЕ», – ГОВОРИТ ДРУГОЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ РЕБЕНОК.

РОУН ВГЛЯДЫВАЕТСЯ В ЕГО ЛИЦО.

«БАБ!»

«ПРИВЕТ, РОУН!» – КРИЧИТ ЕМУ ДЖО, КОТОРОМУ ВТОРЯТ ДЖИП, РАНК, ДЖЕМ, ДАНИ И ДРУГИЕ СЕМЕРО ЖЕЛЕЗНЫХ ДЕТЕЙ.

«Я ДОЛЖЕН ВАС ОТСЮДА ВЫТАЩИТЬ».

РОУН ПЫТАЕТСЯ ОТТАЩИТЬ ЛОНУ ОТ РАЗЛОМА, НО ОНА КРИЧИТ:

«НЕТ!»

ГОЛОВЫ ЖЕЛЕЗНЫХ ДЕТЕЙ МЕДЛЕННО ПОВОРАЧИВАЮТСЯ К РОУНУ

«НАМ НАДО ОСТАТЬСЯ, РОУН», – ГОВОРИТ БАБ.

«ЕСЛИ МЫ ОТПУСТИМ КРАЯ ТРЕЩИНЫ, ОНА СТАНЕТ ШИРЕ», – ПОЯСНЯЕТ ДЖИП.

«ПОЭТОМУ МЫ НЕ МОЖЕМ ИХ ОТПУСТИТЬ», – ДОБАВЛЯЕТ РАНК.

«МЫ СЮДА ПРИШЛИ КАК РАЗ ВОВРЕМЯ», – ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К НИМ СЭЙК.

«КТО ВАС СЮДА ПРИВЕЛ?»

«НИКТО», – ОТВЕЧАЕТ ЛОНА.

ДАНИ КИВАЕТ.

«МЫ ПРОСТО ПРИШЛИ СЮДА».

«МЫ САМИ ЗНАЛИ, ЧТО НАМ НАДО ДЕЛАТЬ», – ГОВОРИТ БАБ.

«ЭТО НЕ ТРУДНО БЫЛО СООБРАЗИТЬ», – ДОБАВЛЯЕТ ДЖО.

«ПРОПАСТЬ СТАНОВИТСЯ ВСЕ ШИРЕ И ШИРЕ», – ЖАЛУЕТСЯ ДЖИП.

«ВСЕ БОЛЬШЕ, БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ», – КРИЧИТ МАЛЕНЬКИЙ ДАНИ.

«ПОЧЕМУ ВЫ НЕ СКАЗАЛИ ОБ ЭТОМ МНЕ?»

«ВСЕ СЛУЧИЛОСЬ СЛИШКОМ БЫСТРО», – ОТВЕЧАЕТ ДЖО.

«МЫ НЕ МОГЛИ ЖДАТЬ», – ПОЯСНЯЕТ БАБ.

ГЛАЗА ЛОНЫ СВЕРКАЮТ НА ЖЕЛЕЗНОМ ЛИЦЕ.

«ТЕПЕРЬ ТЫ ЗНАЕШЬ, ГДЕ МЫ. НЕ СЕРДИСЬ НА НАС».

ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА РОУНА СМЯГЧАЕТСЯ.

«Я НЕ СЕРЖУСЬ. Я СОВСЕМ НА ВАС НЕ СЕРЖУСЬ. – ОН ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К МАБАТАН И СПРАШИВАЕТ С ЯРОСТЬЮ: – КТО ЭТО СДЕЛАЛ?»

УШИ КРОЛИКА ДЕРГАЮТСЯ.

«ТЕ, КТО ПРИНИМАЕТ СНАДОБЬЕ, БОРЕТСЯ ЗА КОНТРОЛЬ НАД ЭТИМ МЕСТОМ. ПОЭТОМУ И ВОЗНИК РАЗЛОМ. ЕСЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НЕ ПРЕКРАТИТСЯ, РАЗЛОМ БУДЕТ РАСШИРЯТЬСЯ. ДЕТИ НЕ СМОГУТ ЕГО УДЕРЖАТЬ, И ВСЕ БУДЕТ ПОТЕРЯНО. ОНИ РАЗОРВУТСЯ И ПОГИБНУТ. МЕСТО, КОТОРОЕ ТЫ НАЗЫВАЕШЬ КРАЕМ ВИДЕНИЙ, ОСТАНЕТСЯ ПОКИНУТЫМ, И МЫ ИЗМЕНИМСЯ. ТОГДА НАС ПОГЛОТИТ БЕЗДОННАЯ ПУСТОТА, РАЗВЕРЗШАЯСЯ ПОД ДЕТЬМИ».

РОУН ЗАДУМЫВАЕТСЯ. ОН ВПЕРВЫЕ ПОНИМАЕТ, ЧТО ПРОИСХОДИТ НА САМОМ ДЕЛЕ. РАЗВЕ МОЖЕТ ОН ЕЙ НЕ ВЕРИТЬ?

«ЧТО МЫ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ?»

«РАЗРЕШИТЬ КОНФЛИКТ».

«КАК?»

«НЕ ЗНАЮ. НАМ ПРИДЕТСЯ ЗА ЭТО БОРОТЬСЯ. – ПО ВСЕМУ ДЛИННОМУ ТЕЛУ КРОЛИКА ПРОБЕГАЕТ ДРОЖЬ. – ЕСТЬ ОДНО МЕСТО, КОТОРОЕ ТЕБЯ ЗОВЕТ».

РОУН ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К ДЕТЯМ.

«ИДИ, РОУН, УХОДИ!» – КРИЧИТ БАБ.

«ИДИ, ИДИ, РОУН!» – ВТОРЯТ ЕМУ ДРУГИЕ ДЕТИ, ЭХОМ ПЕРЕКРЫВАЯ ГОЛОСА ДРУГ ДРУГА.

«МЫ ЗНАЕМ – ТЫ О НАС НЕ ЗАБУДЕШЬ», – ГОВОРIT ЛОНА.

«СИЛ У НАС МНОГО!» – ГРОМКО ПРОИЗНОСИТ БАБ.

«МЫ СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ ТЕБЕ КАЖЕТСЯ», – ПОДДЕРЖИВАЕТ ЕГО ДЖО.

НЕУЖЕЛИ РОУН СПАСАЛ ДЕТЕЙ, ЧТОБЫ НА ИХ ДОЛЮ ВЫПАЛА ТАКАЯ СУДЬБА? НО ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО ДЕЛАЮТ... УЖЕ НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ РОУН ЗАДУМЫВАЕТСЯ НАД ТЕМ, КТО НА САМОМ ДЕЛЕ ЭТИ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ДЕТИ. ХОТЯ ЕМУ КАЖЕТСЯ НЕПРАВИЛЬНЫМ ОСТАВЛЯТЬ ИХ, ЯСНО, ЧТО ОН НИЧЕМ НЕ МОЖЕТ ИМ ПОМОЧЬ – ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, НЕ ЗДЕСЬ И НЕ СЕЙЧАС.

«ПООБЕЩАЙТЕ, ЧТО ВЫ МЕНЯ ПОЗОВЕТЕ, ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ МОЯ ПОМОЩЬ!» – КРИЧИТ ОН В ОТВЕТ.

«ОБЕЩАЕМ!» – ХОРОМ ОТЗЫВАЮТСЯ ДЕТИ.

РОУНУ СМЕРТЕЛЬНО НЕ ХОЧЕТСЯ ИХ ОСТАВЛЯТЬ, ОН ЖДЕТ, ПОКА КРОЛИК УПРЫГАЕТ ПРОЧЬ, И ЛИШЬ ПОТОМ СЛЕДУЕТ ЗА НИМ ТУДА, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ НЕОБОЗРИМЫЙ ВОДНЫЙ ПРОСТОР. МАБАТАН ВСПРЫГИВАЕТ НА ЛЬДИНУ И УПЛЫВАЕТ. РОУН СЛЕДУЕТ ЗА НЕЙ. ОНИ ПРЫГАЮТ С ОДНОЙ ЛЬДИНЫ НА ДРУГУЮ, СТАНОВИТСЯ ТРУДНО ДЫШАТЬ. ОТ ВОДЫ НАЧИНАЕТ ВАЛИТЬ ПАР. ПОСРЕДИ БУШУЮЩЕГО МОРЯ, ПО КОТОРОМУ ХОДЯТ БУРНЫЕ ВОЛНЫ С ПЕННЫМИ БАРАШКАМИ, ОСТРЫМИ УСТУПАМИ ВЫСИТСЯ ВОЗНОСЯЩАЯСЯ В НЕБО СКАЛА. ОНИ ПОДПЛЫВАЮТ К НЕЙ.

МАБАТАН УКАЗЫВАЕТ НА ОГРОМНЫЙ ВОДОВорот.

«ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ПУТЬ В ГЛУБЬ».

«СНАЧАЛА ТЫ».

«МЕНЯ ОН НЕ ЗОВЕТ».

«РАЗВЕ ЭТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ?»

«ОН ПРОПУСКАЕТ ЛИШЬ ТЕХ, КОГО ПРИЗЫВАЕТ. МНЕ ЕГО НЕ ПРОЙТИ И В НЕМ НЕ ВЫЖИТЬ».

«А МНЕ?»

«А ТЫ ЕГО ПРОЙДЕШЬ. ТЕБЕ ОН НЕ ПОМЕХА, ДЛЯ ТЕБЯ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ, ЗОВЕТ ОН ТЕБЯ ИЛИ НЕТ. ТЫ – ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК, РОУН, СТРАНСТВУЕШЬ ГДЕ ПОЖЕЛАЕШЬ».

«ЭТО – ЧАСТЬ МОЕГО ДАРА?»

«ЧТО-ТО ВРОДЕ ТОГО».

«СДАЕТСЯ МНЕ, ТЫ СЛИШКОМ МНОГО ОБО МНЕ ЗНАЕШЬ».

«Я РАЗГОВАРИВАЛА С ДЕТЬМИ, РОУН, Я ТЕБЯ ЧУВСТВУЮ. ТЫ ЗНАЕШЬ О СЕБЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕБЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ЗНАТЬ».

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В БУШУЮЩИЙ ВОДОВорот, РОУН ОЩУЩАЕТ МРАЧНОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ, БУДТО В ГЛУБИНЕ ПУЧИНЫ ЕГО ЖДЕТ БЕЗНАДЕЖНОЕ, БЕЗЫСХОДНОЕ ОТЧАЯНИЕ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.